

АНДРЕЙ КАРПОВ

ВЕГАНСТВО

обнажение смыслов

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 641
ББК 36.99
К26

Карпов Андрей
К26 Веганство : обнажение смыслов / Андрей Карпов. – [б. м.] :
Издательские решения, 2016. – 82 с. – ISBN 978-5-4483-4688-0

Они называют себя веганами и едят только растительную пищу.
Что стоит за этим выбором? Какое мироощущение соответствует веганству? Знают ли сами веганы, какие смыслы они несут в мир?

УДК 641
ББК 36.99

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

**На обложке:
Фрагмент картины Жюльена Дюпре
«Возвращение на ферму»**

*Огромное спасибо Кириллу Дегтяреву, благодаря
которому состоялась эта книга*

1. ЧТО ТАКОЕ ВЕГАНСТВО

Мы говорим о **веганстве**. За рубежом используется термин **веганизм** (veganism). Человек, практикующий веганство (или веганизм), называется **веганом**. Отличительной особенностью веганства является отказ от продуктов животного происхождения. Прежде всего, конечно, речь идёт о пищевых ограничениях.

Есть люди, которые не едят мяса. Известно слово **вегетарианец**, которым мы обозначаем таких людей. Сегодня довольно часто вегетарианцев называют веганами. Делается это с подачи настоящих веганов: так они оказываются представителями более многочисленной группы. Более того, благодаря подобному манёвру, у веганов за спиной открывается совсем другой временной горизонт: веганство получает исторические корни, без которых ему несложно навесить ярлык недавней человеческой выдумки.

И всё же веганов необходимо последовательно отличать от вегетарианцев. Вегетарианцы могут употреблять в пищу продукты животного происхождения (в первую очередь, молоко и то, что может быть из него сделано), для веганов это — табу.

Слово «табу» тут вполне уместно. Какой бы строгой ни была диета, её нарушение не всегда критично. Если отступление от врачебных предписаний незначительно и совершается нечасто, то последствий, скорее всего, не будет. Главное — не делать нарушение диеты регулярной практикой. Жизнь подкидывает разные обстоятельства, и соблюдать принятые пищевые правила не всегда получается. Это учитывается, например, в учении христианства о посте. Для больных, путешествующих, учащихся и занимающихся тяжелым физическим трудом допускаются послабления. Табу же — это категоричный запрет. Его нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Полинезийцы, из языка которых к нам пришло это слово, верили, что нарушившего табу ждет кара небес (смерть). Современные веганы знают, что смерть им не грозит. Но сила их запрета также кроется в убеждениях.

Веганство не следует воспринимать с точки зрения диетологии. Вегетарианство ещё можно. Мясо содержит много белков и жиров. Современный человек, живущий в рафинированных условиях цивилизации и употребляющий мясо, часто ест его больше, чем требуется, что приводит к ожирению, повышенной нагрузке на сердце и сосуды, способствует развитию атеросклероза и т. д. Мясо к тому же довольно долго переваривается. Увлечение мясной пищей перегружает кишечник, благоприятствуя развитию желудочно-кишечных заболеваний. Отдельная история — продукция мясопереработки. Покупные колбасы, сосиски, котлеты с диетологической точки зрения весьма сомнительны. Современные технологии ориентированы на увеличение сроков хранения и снижение цены. И того и другого можно добиться лишь путём введения в состав продуктов дополнительных ингредиентов, не добавляющих никакой пищевой ценности. В лучшем случае об этих

веществах можно сказать, что их вредность не установлена; о пользе для здоровья говорить не приходится. Впрочем, и мясо, продаваемое в магазинах, сегодня является продуктом использования передовых технологий. Это означает, что производители добиваются максимального выхода продукции на единицу затрат. Для этого используются специальные кормовые добавки, гормональные средства, антибиотики (снижают заболеваемость и предотвращают падёж). Животным создают условия, сокращающие их подвижность, — так они лучше набирают вес. Они могут не иметь контакта с естественной природной средой, жить при искусственном освещении и т. д. Всё это приводит к изменению качества мяса: полезные его свойства утрачиваются, потенциальный вред возрастает. Наконец, в последнее время появились данные, что употребление красного мяса (говядины, баранины, свинины, конины) повышает риск развития раковых заболеваний.

Таким образом, определённое диетологическое обоснование выбора в пользу умеренного вегетарианства при желании найти можно. Хотя стоит учитывать, что дискуссия о пользе вегетарианства возникла не по диетологическим соображениям. Всё началось отнюдь не с того, что исследования показали какой-либо вред от употребления мяса. Исследованиям предшествовали убеждения. Инициатива принадлежала вегетарианцам, поставившим своей целью доказать, что их модель пищевого поведения более правильна, чем модель большинства. Они стремятся к этому и сегодня, опираясь на уже достигнутые успехи: так и не убедив большинство в том, что вегетарианское меню более полезно, они добились признания вегетарианства разновидностью нормы. Человек может есть мясо или придерживаться вегетарианства, — и в том и в другом случае мы говорим о пищевых предпочтениях и не видим оснований беспокоиться о здоровье.

Этим же путём идёт и веганство. Представители веганства также ищут аргументы, чтобы убедить человечество в том, что полный отказ от продуктов животноводства есть путь к здоровью. Но эта позиция гораздо слабее. В результате попытка веганства завоевать диетологию свелась к поиску аргументов, доказывающих, что и при веганской диете человек может получать все необходимые вещества для поддержания жизни, роста и развития. То есть к глухой защите. С точки зрения диетологии веганство остаётся рискованным предприятием. Молочные продукты являются источником ценных животных жиров, кальция и витаминов. При этом, поступая с продуктами, сделанными из молока, эти вещества хорошо усваиваются человеческим организмом. Кисломолочные продукты, к тому же, насыщают организм полезными микроорганизмами, способствуя нормализации пищеварения. Поэтому они входят в состав практически любой лечебной или восстановительной диеты. Сторонники веганства не перестают искать диетологические аргументы против употребления молочных продуктов, однако то, что озвучивается, может быть, и способно произвести какое-то впечатление на обывателей, но не выглядит серьёзным в глазах медицинской науки.

Теоретически все необходимые вещества можно получать и не потребляя продукты животного происхождения. Особенно если сочетать естественную растительную пищу с биологически активными добавками. Но обеспечить полноценное питание при веганской диете довольно сложно: надо специально выстраивать сбалансированный рацион. Не задумываться о том, что ты ешь, не получится. Дефицит микроэлементов или аминокислот какое-то время может видимым образом не проявляться, но если не заботиться о поступлении в организм того, что ему необходимо, про-

блемы со здоровьем гарантированы. Для тех, кто не связывает себя веганством, всё проще: достаточно есть продукты животного происхождения, и потребное организму будет доставлено.

Можно резюмировать, что пищевые правила веганства, хотя и входят в самую сердёдку веганского самосознания, всё же являются вмешательством убеждений в организацию быта. Не было бы идеологии веганства, никто бы и не задумался об исключении, например, молочных продуктов из рациона, поскольку приобретения тут сомнительны, а утраты очевидны.

Веганство прорастает из мировоззрения. Последовательный веган ограничивает себя не только в пище. Он не носит кожаной и шерстяной одежды, не пользуется лекарствами, в производстве которых используются компоненты животного происхождения и т. д. Существует, конечно, и чисто пищевое веганство. Но это — не основная, а факультативная, слабая форма. Как говорят последовательные веганы, она — для тех, кто не нашёл в себе решимости на большее. Не будь идеи последовательного веганства, не существовало бы и веганской диеты.

2. ИДЕОЛОГИЯ ВЕГАНСТВА

Идеология веганства крайне проста: продуктами животного происхождения пользоваться нельзя, поскольку они получают в результате эксплуатации животных. Человек ради удовлетворения собственных потребностей убивает животных и эксплуатирует их, причиняя им страдания. Это недопустимо. Этика людей запрещает убивать и мучить себе подобных. То, что люди допускают при обращении с животными действия, которые считаются преступными или предосудительными, если они совершаются над людьми, является проявлением своего рода биологического расизма: человек выделяет себя из числа животных, считая вправе распоряжаться их жизнью и смертью, тогда как, например, ощущение боли одинаково и для человека и для животного. Занимая по отношению к животным позицию господина, имеющего право причинять боль и обрекать на смерть, человек воспроизводит культурный архетип, ранее распространявшийся и на людей. Это — позиция деспота в отношении своих подданных, рабовладельца в отношении раба. Также можно вспомнить, что во многих культурах люди иной национальности или иной расы не считались полноценными людьми и могли приравниваться к животным, получая причитающуюся тем меру

страданий. Современное общество подняло этическую планку, выведя за пределы нормы любую дискриминацию представителей своего биологического вида. Веганы призывают распространить этот подход на все виды животных.

Слово «веган» ввёл в оборот англичанин Дональд Уотсон (Donald Watson). Оно образовано от первых и последних букв слова «vegetarian» (вегетарианец). Символически это означает, что веганство — начало и конец вегетарианства. С веганской точки зрения вегетарианство (отказ употреблять продукты убийства) — лишь переходная стадия к полному отказу от эксплуатации животных. В 1944 году Дональд Уотсон организует в Лестере (Великобритания) Веганское общество (The Vegan Society).

Стоит обратить внимание на год основания общества. Превращение Уотсона из классического вегетарианца в вегана происходит в 1940-е, годы Второй мировой войны. Мир захлёбывается от человеческих страданий, а группа единомышленников в воюющей с Гитлером Англии решает сконцентрироваться на заботе об уменьшении страданий животных. Наверное, нельзя сказать, что страдания животных их волновали больше, просто они не выделяли человека из прочих живых существ. Насилие над людьми в соответствии с мировоззрением веганства также недопустимо. Это соображение привело Дональда Уотсона к официальному отказу от армейской службы. Отстаивать что-либо с оружием в руках — будь то убеждения, государство или даже жизнь близких тебе людей — нельзя, ведь ты можешь причинить боль другому живому существу или лишить его жизни. Пацифизм и веганство — одного духа. Проблему этического выбора они решают посредством личного неучастия: если некоторое действие определено как зло, ты просто его избегаешь, к чему бы это ни привело. В определённом смысле это очень удобно:

нет необходимости выбирать между видами зла (большим и малым). Можно чувствовать себя правым и чистым. Если же победит большое зло, то твоей вины в этом нет: ты же не выступал на его стороне. Но, какие бы вероятности ни существовали, Дональду Уотсону повезло: Гитлера победили, в Великобритании налачился мирный быт, веганские идеи получили распространение.

Возможно, в некоторых случаях веганство уже является частью семейной культуры, но в основной своей массе веганы получают путём обращения к новой для себя жизни уже в сознательном возрасте. Превращение в вегана обязательно включает в себя момент слома привычной картины мира, без которого веганская жизнь не могла бы начаться. Вот, например, как это было у Дональда Уотсона (цитата из интервью, которое он дал Джорджу Роджеру (George Rodger), Председателю попечительского совета Веганского общества в 2010 году):

«Одно из моих самых ранних воспоминаний — это каникулы на ферме моего дяди Джорджа, где меня окружали интересные животные — все они что-то „давали“: рабочая лошадь тянула плуг, другая лошадь тянула двуколку, коровы „давали“ молоко, куры „давали“ яйца, а петух был удобным „будильником“ — тогда я не понимал, что у него есть и другая функция; овцы „давали“ шерсть. Я никак не мог понять, что же „давали“ свиньи, — но они казались очень дружелюбными существами: всегда были рады меня видеть. Потом настал день, когда одна свинья была убита: у меня до сих пор сохранились яркие воспоминания всего процесса, включая крики, конечно же. Одним из того, что меня поразило, было то, что мой дядя Джордж, которого я высоко ценил, принимал в этом участие. Я понял, что фермы — и дяди — должны быть переоценены: идиллическая сцена оказалась не более чем камерой смертников, где дни каждо-

го создания были сочтены, что определялось их неспособностью далее обслуживать существование человека».¹

Когда Дональд Уотсон давал интервью, из которого приведена цитата, ему было 92 года. Акценты в рассказе расставлены, конечно, в духе устоявшегося веганского мировоззрения, с которым человек прожил бóльшую часть своей жизни. Но, несомненно, пережитое потрясение было очень сильным. С 14 лет Дональд перестал есть мясо, и причиной тому стала описанная выше история.

Разбирая этот случай, необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, мальчик Дональд не жил на ферме; он приехал туда отдохнуть. Все эти «интересные» животные именно потому и составили идиллическую картинку, что не были частью его повседневного быта. Эта отстранённость присуща веганству в целом: веганы, как правило, — городские жители, далёкие от непосредственного участия в сельском хозяйстве.

Во-вторых, Дональд-ребёнок, несомненно, был романтической натурой, воспринимающей мир преимущественно эмоционально. Думается, можно с уверенностью сказать, что свой романтизм мистер Уотсон сохранил на протяжении всей жизни. Нельзя быть веганом и не быть своего рода романтиком. По своей сути веганство — это борьба за утверждение идиллии: никто не должен страдать. Во всяком случае, никто никому не должен причинять страданий. Значимость эмоциональной аргументации в веганстве значительно выше, чем рациональных суждений:

¹ Цитируется по: *Interview with Donald Watson — Vegan Founder Foods for Life* <http://www.foodsforlife.org.uk/people/Donald-Watson-Vegan/Donald-Watson.html> Полный текст интервью: *The Vegan I Summer 2003*, pp 15–18.

посмотрите, в какие условия поставило животных интенсивное животноводство! Они лишены естественной среды обитания, а порою и жизненного пространства. С помощью селекции, специальных препаратов, а в некоторых случаях и генной инженерии животные превращены в какую-то пародию на самих себя. Они больше не полноценные живые существа, а рабы своей функции. Бычок или цыплёнок-бройлер должны как можно быстрее набрать максимально возможный вес. Курица-несушка должна нестись без роздыха, корова молочной породы — давать как можно больше молока, чего бы это ни стоило их здоровью.

Интенсивное животноводство действительно обращается с живыми существами как с производственными механизмами. Применяемые технологии безжалостны в прямом смысле этого слова: животных в крупных агропроизводственных комплексах никто не жалеет, отношение к ним определяется не жалостью, а чистой прагматикой. Если животное болеет, его лечат, но не потому, что ему больно, а чтобы не пропали вложенные в него деньги. Если же более выгодно заменить заболевшее животное новым, его не будут лечить, а забьют или усыпят.

Узнав об этой неприятной изнанке животноводства, чуткие и романтические натуры испытывают эмоциональный шок и становятся веганами. Они решают не принимать участия в причинении страданий животным, пусть даже весьма опосредованно — в качестве потребителей продукции животного происхождения. Последовательные веганы отказываются и от мёда, и от изделий из шёлка, включая насекомых в число тех существ, которых следует извлечь от эксплуатации человеком.

3. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ДЕДОМЕСТИКАЦИЯ

Итак, эксплуатация животных недопустима. Как, в принципе, недопустима всякая эксплуатация.

Идея бороться с эксплуатацией животных возникла не сама по себе, она — лишь результат расширенного применения идеи о неприемлемости эксплуатации человека человеком. Прежде чем появилась возможность говорить об эксплуатации в отношении животных, необходимо было составить само понятие эксплуатации. Это понятие было сформулировано социальной наукой и стало одним из ключевых элементов левой идеологии.¹ В этой перспективе защита прав животных оказывается своеобразным наивысшим мощной волны социальной борьбы. Патетика веганских высказываний в значительной степени восходит к традициям левых движений, привычно употребляющих такие обороты как борьба за права или освобождение. Эти формулировки активно заимствуются веганством. Так,

¹ История негативного восприятия слова эксплуатация (от французского *exploitation* — «использование, извлечение выгоды») восходит к экономической теории Карла Маркса.

заметная в истории веганства книга австралийского философа Питера Сингера (Peter Singer) называется «Освобождение животных» (Animal Liberation).

Пока речь идёт об освобождении людей всё кажется понятным. Вот человек сидел в тюрьме или, — как принято говорить о тех, кому сочувствуют, — в застенках, его выпустили, и он стал свободен. Или раб, находившийся в полной зависимости от своего господина, получает свободу, — теперь он принадлежит самому себе и волен жить, как ему заблагорассудится. Или крестьянин освобождается от крепостной зависимости, и больше не обязан работать на помещика бесплатно.

Но даже с человеческим освобождением не всегда всё так просто. В русском канцелярите — языке официальных документов — есть такой устоявшийся оборот: «освободить от занимаемой должности». С одной стороны, это действительно освобождение. Человек был отягощён необходимостью определённым образом трудиться. Возможно, ему было нужно приходить в конкретное место к определённому часу, совершать действия в соответствии с производственной необходимостью, а вовсе не со своими желаниями, выслушивать и принимать к исполнению распоряжения начальства. Можно допустить, что человек устал от подобного состояния, и вот его освобождают, и он чувствует эту свободу: теперь он предоставлен самому себе. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что потерянная должность была основным или даже единственным источником его доходов, и теперь, хотя и получив свободу, он лишился средств для дальнейшего существования. Является ли подобное освобождение благом?

Ценность свободы вовсе не является абсолютной. «Человек свободен от обязательств» — звучит, вроде бы, хорошо. Но это означает, что никто от него ничего не ждёт,

и такой человек, в сущности, никому не нужен, а это уже плохо. Чего стоит обретенная свобода, может сказать лишь тот, кто её получил. Если освобождённый — человек, мы можем его об этом спросить. Но с животными так не получится. Животные не обладают самосознанием и не могут дать оценку изменению своего состояния. Они не в состоянии поведать, что для них истинная или новообретенная свобода — дар или проклятие. Мы вынуждены оценивать ситуацию за них, перенося на животный мир чисто человеческие представления.

Бернард Шоу — известный британский драматург — был убеждённым вегетарианцем. Когда он довольно серьёзно заболел (на фоне истощения у него развился некроз кости), близкие пытались побудить его оставить вегетарианскую диету и поесть мяса. Но Шоу заявил, что *«лучше смерть, чем каннибализм»*. Развивая этот тезис, он пишет: *«В моём завещании содержатся указания насчёт моей похоронной процессии, в которой не будет похоронных экипажей, но зато будут шествовать стада быков, баранов, свиней, всякой домашней птицы, а также передвижные аквариумы с живыми рыбами, причём у всех сопровождающих гроб будут повязаны белые шарфы в память о человеке, который предпочёл умереть, но не есть себе подобных»*.¹ Впрочем, тогда он поправился, а когда всё же скончался (это произошло более чем 50 лет спустя), во вскрытом завещании оказался совсем другой текст. Так что мы не знаем, была ли описанная им постановка собственных похорон хорошей шуткой, или планировалась всерьёз. Во всяком случае, Шоу использовал хорошо понятную всем символику: белые шарфы (повязки) — знак

¹ Цитируется по: Эмрис Хьюз *Бернард Шоу* М., «Молодая гвардия», 1966. Стр. 91

несогласия с насилием, шествие за гробом — выражение уважения и признательности усопшему. Общая картина должна читаться так: животные благодарят Шоу за то, что он их не съел. Зрелище могло получиться весьма впечатляющим. *«Если не считать процессии, направляющей в Ноев ковчег, это будет самая замечательная процессия, какую доводилось видеть людям»*, — заключает Шоу своё описание.

Однако сами собой животные похоронной процессии не составят. Если бы фантазию Шоу всё же решили воплотить в жизнь, кому-нибудь пришлось бы взять в руки кнут и организовать движение этих стад. Без участия человека ничего бы не было. Поведение животных строится на других основаниях. Но человек, привыкший воспринимать мир эмоционально, готов приписать чисто человеческие эмоции и животным, увидев некое подобие собственной мотивации там, где её быть не может. В частности, животные не могут быть благодарны за то, что их не съели, или за то, что кто-то решил их больше не эксплуатировать. Человек судит по себе. Если бы нас осудили на смерть, а потом это решение отменили, то разве мы не должны были бы проникнуться благодарностью к тому, кто принял решение о помиловании? Впрочем, тут взгляд, скорее, с другой стороны. Тот, кто подписывает помилование, всегда уверен, что заслуживает благодарности. Тогда как помилованный сам может думать, что если бы не было приговора, не потребовалось бы его и отменять, так что помилование просто восстанавливает должный порядок вещей, а за исправление ошибок благодарить как-то не принято.

Как бы то ни было, сохранение жизни — очевидное благо. Его легко приложить к миру животных. Вот этого поросёнка должны были заколоть к празднику, но если ему сохранить жизнь, он станет замечательным боровом. Пету-

шок, не попавший в суп, сможет ещё не раз прокукарекать навстречу восходящему солнцу. Нечто похожее можно сказать и про людей, надо лишь заменить одни слова на другие.

Но привычка проецировать человеческие взаимоотношения на мир животных не всегда укладывается в осмысленные аналогии. Вот, скажем, избавление от эксплуатации. Человек, которого принуждали к труду и получивший свободу, просто переберётся на новое место и найдёт себе другое занятие. А что будет с «освобождённым» животным?

Веганы не очень-то хорошо представляют себе ответ на этот вопрос. Сказывается удалённость от занятий сельским хозяйством. Если бы вдруг идея об избавлении животных от эксплуатации пришла в голову фермеру, ему бы пришлось заниматься освобождением совершенно конкретных существ, возможно, даже имеющих имена. Дядя Джордж, про ферму которого говорилось в прошлой главе, должен был выпрячь Каурку из двуколки и поставить в стойло. Хотя, нет, с точки зрения веганства, это — плохая идея, поскольку в стойле свобода животного ограничена, и оно страдает от отсутствия пространства и естественной среды. Обеспечить естественную среду поросёнкам и курам, видимо, следовало так: нагрузить ими телегу (пусть уж Каурка потрудится в последний раз), отвезти подальше куда-нибудь в лес, и там выпустить на свободу. Если волков в этом лесу полностью не выбили, то-то они порадуются.

Это, конечно, шарж на грани фола. Однако конкретному фермеру (тому же дяде Джорджу), может быть, именно потому и не приходилось задумываться об освобождении животных, что любая попытка их практического освобождения превратилась бы в подобный абсурд.

Об освобождении удобно говорить, когда животные, избавляемые от гнёта и страданий, находятся далеко, вне пределов видимости. Лучше всего, если их не придётся конкретизировать (если указать, какие именно животные освобождены, надо будет говорить и как их освободили), — пусть это будут животные вообще.

Но этот ход не избавляет нас от необходимости ответа на вопрос: в чём будет заключаться освобождение животных? Переход к «животным вообще» позволяет ответить на уровне общих понятий. Если человек подчинил себе животных, заставив их отдавать ему свою мускульную силу, продукты своей биологической активности (шерсть, молоко, мёд и т.д.) и, наконец, саму жизнь, и это закабаление носит название **доместикации (одомашнивания)**, то освобождение должно означать возвращение животным существования, независимого от человека, то есть **дедоместикацию** или раздомашнивание.

Таким образом, мы приходим к мысли, что целью веганства является дедоместикация. Вероятно, нельзя сказать, что это — его конечная цель, ведь веганы формулируют свою задачу иначе: они хотят избавить животных от страданий, которые им причиняет человек. Но эта задача имеет только одно решение — раздомашнивание.

Обычная жизнь вегана протекает совсем на другом семантическом горизонте. Он просто воздерживается определённых продуктов, не носит кожаных и шерстяных изделий, не делает прививок вакцинами, в состав которых входит куриный белок. Он не думает о раздомашнивании. Его заботит, прежде всего, личное неучастие в причинении страданий животным. Веганство подчёркнуто персонально, солидарная ответственность человечества вытеснена

на задний план. Веганы же никого не принуждают, они просто показывают пример правильного отношения к животным. Кому это отношение по душе, сам может стать веганом, прочих веганы оставляют наедине со своей совестью.

Несмотря на то, что число веганов растёт, их пока ещё слишком мало, чтобы они могли чувствовать себя социальной силой. Люди в основной своей массе спокойно потребляют продукты, полученные в результате эксплуатации животных. Власть человека над животными оставляет впечатление неизбежного, хотя и сомнительного этически принципа общественного быта. Веганская модель — это торпеда, направленная в борт непотопляемого дредноута, призванная вызвать беспокойство, но не способная отправить его на дно; по крайней мере так это выглядит глазами веганов. Веганство по своей сути — форма социального протеста, и, как любое протестное движение, оно негативно ориентировано. Веганы сконцентрированы на том, против чего они выступают, при этом позитивная программа практически полностью отсутствует. Что будет, если вдруг дредноут потонет? Очевидно, дедоместикация.

Раздомашнивание является прямым следствием из повседневных действий каждого вегана. Разве веган отказывается от продукции животноводства не для того, чтобы животные меньше страдали? Разве он не хочет, чтобы другие люди тоже выбрали веганской образ жизни и тем самым уменьшили страдания животных ещё больше? И разве избавление от страданий полностью не лучше частичного освобождения? И если можно полностью избавиться от причинённых человеком страданий хотя бы одно живое существо, разве не стоит этого сделать? И, наконец, неужели полное освобождение всех порабождённых человеком животных не является лучшим состоянием, чем освобождение одного? Всё просто: невозможно быть носи-

телем какой-либо идеологии и не желать ей полной победы. В противном случае возникает противоречие, убивающее исходную идею. Веган, не стремящийся к максимуму освобождения животных, и не веган вовсе. Стоит ли отказываться от молока, если считаешь нормальным продолжающееся где-то страдание ещё не освобождённой бедной коровы? Конечно, страдание не может быть нормой, а потому каждый веган должен воспринимать дедоместикацию как идеальное состояние.

4. ВЕГАНСТВО И ИСТОРИЯ

Необходимо сказать, что стремление к тотальной дедоместикации (полному отказу человека от разведения животных) — совершенно новый культурный феномен. Хотя, конечно, животные и раньше порою возвращались в дикое состояние, но это были лишь отдельные эпизоды. Наиболее известны североамериканский мустанг и австралийская собака динго.

Лошадей в Америку завезли европейцы. Континент пришлось завоёвывать, и с людьми случалось разное. Бывало и так, что лошади терялись, убегали, иногда всадника убивали, а лошадь оставалась жива. Обширные прерии кормили миллионные стада бизонов, они легко обеспечили пищей и новых своих обитателей. Лошади освоились в диких условиях и превратились в мустангов.

Когда собака динго попала в Австралию, достоверно неизвестно. Но появилась она там вместе с человеком — если не с переселившимися на континент аборигенами, то позднее — вместе с выходцами из Юго-Восточной Азии. Крупных наземных хищников в Австралии нет, и собаки, отбившиеся от людей в силу неведомых нам обстоятельств,

сразу же стали хозяевами положения.

Известны также случаи одичания другой живности, например, коз или свиней. Классический пример — это козы или свиньи, попавшие на необитаемый остров. Этих животных часто возили на кораблях — в качестве провианта, и при кораблекрушении животное могло спастись, если рядом оказывался подходящий клочок земли. Хищников на таких островах, конечно же, не было.

Можно сделать вывод, что если животное, бывшее прежде домашним, попадает в благоприятные для себя условия, оно вполне способно выжить и дать потомство.

Возможна дедоместикация совсем другого рода. Этим термином могут называть научную деятельность по восстановлению диких видов животных. За основу берутся домашние животные с подходящим генотипом. Так, например, пытаются возродить тарпанов (вымерший подвид дикой лошади).

Но всё это очень далеко от проекта тотальной дедоместикации. Вся предшествующую историю человечество решало противоположную задачу: оно извлекало животных из дикой среды и включало их в свою систему хозяйствования. Одомашнивание можно рассматривать как часть технологического прогресса. Это — биотехнологии прошлого. Разведение животных становилось ответом на самые различные вызовы. Человек получал дополнительную силу, осваивал перемещение на более дальние расстояния, обретал новые способы защиты и охоты, переставал зависеть от среды, обеспечив себе источник пропитания и одежды прямо у себя во дворе. И как заимствовались другие технологические находки, так и идеи использования в хозяйстве того или иного животного легко пере-

кочёвывала от одной человеческой общности к другой, от народа к народу. До сих пор ведутся споры, какое животное было одомашнено первым. В числе кандидатов — собака, овца и коза. Эти животные могли следовать за человеком, перемещающимся по лику планеты. Другие виды могли жить только в определённых климатических условиях (индийский слон, тибетский як, северный олень). Где бы ни оседал человек, он окружал себя домашними животными. Они присутствуют во всех культурах, за исключением самых примитивных (там, где природа особенно изобильна, человек мог довольствоваться тем, что получает, не прибегая к технологическим ухищрениям, в том числе и к использованию других живых существ).

Получается одно из двух: либо человек создаёт вокруг себя культурную среду, в которую неизбежно втягиваются и животные, либо он сам растворяется в экосистеме, занимая в ней место наравне с другими биологическими видами. Построение цивилизации необходимо включает в себя одомашнивание: без дополнительных преимуществ, которые дают человеку домашние животные, человечество не получило бы возможность развиваться, а в суровых климатических зонах само выживание человека стало бы проблематичным.

Однако последние сто лет технологического прогресса привели к тому, что теперь мощь цивилизации и выживание человека больше не обусловлены использованием домашних животных. Человечество способно обеспечить себя всем необходимым, не прибегая к труду животных и продукции животноводства. Если ранее тотальная дедоместикация обрекла бы человечество на деградацию или смерть, то сегодня она может лишь причинить определённое, возможно, даже значительное неудобство, но причиной цивилизационной катастрофы не станет. То есть раздо-

машинивание можно рассматривать как допустимый сценарий.

Появление веганства стало отражением произошедших изменений. Этическая программа веганства — это продукт эпохи технологического могущества человечества. Животных можно освободить (вернуть в дикое состояние), потому что их участие в жизни человека уже не выглядит необходимым. Жизнь современного горожанина протекает без непосредственного контакта с сельскохозяйственными животными. Чем выше уровень технологического развития, тем больше доля городского населения, а значит, животные отодвигаются всё дальше (не считая, конечно, домашних питомцев, в первую очередь, собак и кошек, но о них речь впереди¹). Для значительного числа людей встреча, например, с коровой сводится к покупке куска говядины или пакета молока в магазине. Ещё они видели изображения коровы. Если они станут веганами, они просто будут покупать другие продукты. Видя же изображение красавицы-коровы, они теперь будут получать дополнительное удовольствие от мысли, что их выбор уменьшил страдания этого замечательного животного.

Такое помещение веганства в контекст современной индустриальной культуры может вызвать недоумение. Веганы — сторонники гармоничного сосуществования человека и природы. Они критичны по отношению к варварской эксплуатации человеком ресурсов планеты. Веганство как бы устремлено из города на лоно природы, от технологической сложности к простоте жизни, от эгоистического потребительства к чистоте высоких образцов духовного бытия. Но это иллюзия, поддерживаемая,

¹ См. Главу 6

в основном, за счёт смешения веганства и вегетарианства. Включение в историю веганства вегетарианства позволило веганам опираться на авторитет таких исторических персонажей, как Пифагор, Плутарх, Леонардо да Винчи, а также других известных личностей, а, главное, апеллировать к опыту индийской культуры, в которой многие находят для себя образцы духовности и этического поведения.

Индия представляется незыблемым доказательством того, что быт человека может быть организован с соблюдением особой этики по отношению к животным. Значительное число индийцев являются вегетарианцами. На начало XXI века доля вегетарианцев составляла чуть более 40 процентов от общего населения Индии.¹ Этот показатель неуклонно снижается — сказывается размывание устоев традиционной культуры. В принципе, можно ожидать, что тот, кто исповедует индуизм, окажется вегетарианцем. Абсолютно точно, он не будет есть говядину, поскольку в индуизме корова считается священным животным. В большинстве индийских штатов убиение коров преследу-

¹ Так, например, в опубликованном на сайте Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых наций (FAO) документе *Project on Livestock Industrialization, Trade and Social-Health-Environment Impacts in Developing Countries* (дата публикации 24.07.2003) указывается, что по данным национального выборочного исследования 42% индийских семей относится к культуре строго вегетарианства (т.е. не употребляют мясо, рыбу и яйца). См.: <http://www.fao.org/WAIRDOCS/LEAD/X6170E/x6170e09.htm>. В то же время по данным других исследований, анализирующих пищевые предпочтения не на семейном, а на индивидуальном уровне, вегетарианцев в Индии меньше. В *The Hindu* (индийская ежедневная газета) за 14.08.2006 приводит данные, согласно которым строгими вегетарианцами являются лишь 31% жителей Индии, к этому можно добавить ещё 9% вегетарианцев, употребляющих яйца. См.: <http://www.thehindu.com/todays-paper/article3089973.ec>

ется законом, а в штате Махараштра можно попасть в тюрьму только за поедание или продажу говядины.

Вегетарианская этика тесно связана с учением о реинкарнации (переселении душ). Если душа, обитавшая в умершем вчера человеке, сегодня вернулась в мир в новорождённом животном, убийство животного мало чем отличается от человекоубийства. Учение о реинкарнации изложено в Упанишадах; вероятно, именно к периоду написания Упанишад следует отнести возникновение идеи отказа от мяса.

Арии — авторы ведических текстов — были мясоедами. Упоминания о забое животных и приготовлении мясных блюд встречаются в Ведах неоднократно: в Ригведе, Атхарваведе, примыкающих к Ведам Грихья-сутрах. Например, Апастамба-грихьясутра перечисляет: *«Поводы для забоя коровы: (приход) гостя, (жертвоприношение) предкам, свадьба»*.¹ В Брихадараньяка-упанишаде говорится: *«И если он желает: „да родится у меня ученый, прославленный, посещающий собрания, говорящий приятные речи сын; да будет он изучать все веды и достигнет полного срока жизни“, — то, сварив рис с мясом, пусть они (с женой) едят его вместе с очищенным маслом. Поистине, тогда они смогут родить (такого сына) — с помощью мяса бычка или быка»*.²

Вегетарианство вошло в сердцевину индуистского мировоззрения вместе с принципом ахимсы (непричинения боли или зла). Произошло это под влиянием буддизма, скорее всего, в период правления царя Ашоки (III-й век до Р.Х.), создавшего империю Мауриев, простиравшуюся

¹ Апастамба-грихьясутра I.3.9

² Брихадараньяка-упанишада VI.4.18

от Афганистана до Бенгалии, и способствовавшего превращению буддизма в мировую религию. Сам Будда, по-видимому, мяса не ел.¹ Существует текст, про который говорят, что он — единственное, что Будда записал собственноручно, и это — стих об отношении к живым существам: *«Для безногих тварей есть место в моём сердце. И для тех есть место, у кого две ноги, и для тех, у кого множество ног. Пусть никогда ни одно живое существо, каково бы оно ни было, не узнает горя. Пусть никогда его не коснется зло».*² Среди последователей Будды однозначного отношения к употреблению мяса не сложилось. Для буддиста важнее намерения, а не поступки. Буддист не должен есть мясо животного, если того убили у него на глазах, или с его согласия, или специально ради него. С этим согласны представители всех течений буддизма. И, конечно, недопусти-

¹ Однако в традиции Тхеравады (Хинаяны) — консервативной ветви буддизма, восходящей к ранней буддистской традиции рассказывается, что последней трапезой Будды была свинина. Те же, кто с этим не согласен, указывают, что палийские слова *sukara-maddava* следует читать не как «свиное мясо», а как «свиное лакомство», то есть то, чем любят лакомиться свиньи (грибы трюфели).

² Цитируется по русскому переводу книги Стивена Роузена (Steven J. Rosen) *Вегетарианство в мировых религиях (Diet for Transcendence: Vegetarianism and the World Religions, 1997)*, глава 6. Это — сокращенный художественный перевод из Кулла-Вагги, священной буддийской книги (Culla-Vagga, V, 6). Исходный текст в середине содержит ещё несколько строк: *«Не могут те, кто без ног, причинить мне никакого вреда. Не могут те, кто с двумя ногами, причинить мне вред. Не могут те, кто с четырьмя ногами, причинить мне никакого вреда. Никто из тех, кто имеет множество ног, не может причинить мне вред».* Очевидно, что это что-то вроде заклинания. По словам Andrew Olendzki, переводчика с пали на английский, Будда даёт этот заговор (являющийся, конечно, и проповедью) в ответ на сообщение о монахе, который умер после укуса змеи. См.: http://www.greatwesternvehicle.org/ati_website/canon/vinaya/cv-5-6-ao0.html.

мо убивать самому. Но вот в вопросе, можно ли есть мясо животного, к убийству которого ты непричастен, у буддистов имеются расхождения. Впрочем, вегетарианство, несомненно, является моделью более совершенного поведения. Однако о чьём вегетарианстве ни шла бы речь, мы нигде не встретим исключения из употребления молочных продуктов и, тем более, полного отказа от использования животных в хозяйстве.

Из индийских культур наиболее близким к веганству оказывается джайнизм. Джайнизм восходит к Джине Махавире — учителю и аскету, которого считают современником Будды, но более старшим по возрасту. И Джина, и Махавира — не имена, а почётные прозвища¹. Махавира означает «Великий герой», а Джина — «Победитель». Победителем его назвали за то, что он победил свою карму. И теперь его последователи также могут стать победителями: разорвать круг перерождений и достичь нирваны. Перспектива вечно скитаться, меняя судьбу одного существа на судьбу другого, действительно может пугать, и, создав себе такую картину мира, индийская мысль придумала выход в стремлении к отказу от какой бы то ни было судьбы, то есть к нирване. Путь к обретению чаемого умиротворения лежит через праведность, которая включает в себя ахимсу — непричинение вреда ничему живому. Джайны наиболее последовательны в соблюдении этого принципа. Они не только не убивают животных для еды, но заботятся о том, чтобы случайно не убить или не проглотить даже малейшее живое существо. Поэтому, передвигаясь, они тщательно смотрят под ноги: ни одно насекомое не должно быть раздавлено. С наступлением темноты уже ничего не разглядишь, поэтому в тёмное время джайны на улице

¹ Его настоящее имя Вардхамана.

не выходят. Не следует есть в темноте: можно проглотить насекомое вместе с едой. Кисломолочные продукты и дрожжевой хлеб они не едят: бактерии и дрожжи — тоже живые. Даже для растительной пищи у них есть ограничения: нельзя есть корнеплоды, так как в них всегда множеству личинок насекомых. Джайнам запрещено заниматься земледелием: обрабатывая землю, ты неизбежно убьёшь или повредишь много живых существ. Поэтому издавна джайны-миряне выбирали профессией торговлю, ростовщичество или становились ремесленниками. Но в идеале джайн, конечно, должен быть монахом. Монахи в джайнизме ведут ещё более суровый образ жизни. В одном из течений джайнизма монах даже должен ходить обнажённым, повывергав все волосы на своём теле. Ест монах-джайн крайне мало, ограничивая себя во всём, чем с ним может соприкоснуться мир. А изнузив себя так аскетизмом, считается благочестивым, взяв на это благословение у учителя, вообще отказаться от еды и умереть от голода.

До определённой степени это мировоззрение напоминает веганство. Джайнизм категорически не допускает причинения страданий животным, и разве не к этому стремится веганство? Однако мотивы у них совершенно разные. Веган беспокоится о животных. Ему хочется перестроить мир так, чтобы человек больше не был причиной их мучений. Джайн занимается собой: он не должен приобрести плохой кармы (впрочем, как и хорошей), иначе ему не удастся покончить со своим участием в жизни мира. Поэтому для джайна важно не причинять страданий живым существам самому, при этом они вполне могут страдать вследствие действий других людей. Впрочем, это логично. Джайну, пока он не принял решение уморить себя голодом, надо есть. А значит, кто-то должен вырастить то, что составит его пропитание. При этом этот кто-то погубит червей и личинок. Общество, состоящее только из джайнов, невоз-

можно. Разве что это будет общество согласившихся умирать. Стоит добавить, что джайнизм, несмотря на всю строгость пищевой аскезы, допускает употребление молока, считающегося одной из чистых жидкостей (наравне с водой). Молоко употребляется и в богослужении — для поливания статуй тиртханкаров (учителей, буквально — «перевозчиков через океан бытия»). Таким образом, джайнизм всё же предполагает использование человеком продуктов животного происхождения. История не знает учений, в которых человек полностью бы «отпускал» животных, решая в дальнейшем обходиться без них. Поэтому веганство — качественно новое явление, не имеющее исторических предшественников.

5. НЕБЫТИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СТРАДАНИЮ

Итак, человечество достигло уровня технологического развития, позволяющего провести тотальную дедоместикацию без критических для себя последствий. Труд животных и сейчас уже практически не используется; от холода неплохо защищают синтетические материалы, а значит, не нужны ни меха, ни шкуры; жилища отапливаются не высушенным навозом (кизяками), а, например, газом. Так что всё сводится, преимущественно, к еде. Если людям привить иные пищевые привычки, проблема будет решена. Однако какие последствия раздомашнивание будет иметь для мира животных?

Борцы за права животных представляют ситуацию таким образом, что животные находятся у человека в рабстве. Человек берёт от животных всё, включая саму жизнь, ничего не давая взамен. В интервью Дональда Уотсона, где он вспоминает о дядиной ферме, есть такие слова: *«Я жил в родительском доме 21 год, и в течение этого периода я никогда не слышал от моих родителей, дедушек и бабушек, моих 22-х дядей и тётъ, моих 16-ти кузин и кузе-*

нов, учителей и приходского священника слов о чём-то хоть отдалённо связанных с нашими обязанностями, которые мы должны иметь по отношению к „тварям Божиим“»

Это, конечно, риторический приём. Жизненная правда немного иная. Фермеру надо вставать затемно, чтобы сварить поросётам похлёбку, дать корм курам, подоить корову и выпустить её на пастбище. Человек кормит своих животных, укрывает их от хищников и непогоды, лечит. Любой человек, работающий с животными, принимает на себя определённые обязательства по отношению к ним. Можно было бы назвать это контрактом или соглашением между человеком и животными, но никто не спрашивал у животных, согласны ли они подписать подобный контракт. Впрочем, и сторонники раздомашнивания не могут спросить у животных, согласны ли они этот контракт расторгнуть.

Условия навязанного животным сожительства с человеком часто интерпретируются как несправедливые. Человек кормит свинью, чтобы потом её съесть. Выгода человека понятна, а где выгода для свиньи? Какое-то время хлебать пойло и наращивать вес, — разве это выгода? Говоря так, мы оцениваем жизнь свиньи по человеческой мерке, и результат нас не устраивает: мы бы так жить не хотели. Мы переносим свои ценности в мир животных, но что действительно для них является ценным, и допустима ли подобная степень антропоморфизма, чтобы говорить о ценностях в мире свиней?

Что потеряют животные, если раздомашнивание состоится? И что приобретут? И вообще, будут ли потери? И будут ли приобретения?

Представим себе, что неписанный контракт, предусматривающий совместное бытие человека и животных, рас-

торгнут одним днём. Человек заключил этот контракт, подписавшись с обеих сторон — за себя и за животных; предполагается, что он имеет право его и разорвать. Чтобы сделать ситуацию чуть менее фантастической, допустим, что принят закон о запрете животноводства, который вступает в силу с такой-то даты. Что будут делать владельцы птицефабрик и свиноферм? Они произведут забой всего поголовья. А что им ещё делать? Продолжая рисовать фантастическую перспективу, можно предположить, что некие веганские благотворительные фонды выкупят часть животных. Выкупить всех животных они не смогут, — это равнозначно тому, чтобы перекупить целую отрасль; таких денег ни у кого нет. Итак, ничтожное количество животных спасётся, основная масса погибнет. Освобождение обернётся массовым истреблением, геноцидом культурных видов.

Но то, что очевидно при вмещении всего процесса в сжатый отрезок временной шкалы, теряется из вида, если процесс размазать на значительный интервал. Веганы отказываются потреблять продукцию животноводства, ожидая, что падение спроса приведёт к снижению производства. Веганов мало, их модель потребления пока ещё не стала значимым фактором; все последствия где-то там впереди. Чем больше будет веганов, тем сильнее съёжится животноводство, тем меньше животных будет страдать. Питер Сингер в своей книге «Освобождение животных» так и пишет: *«Хотя мы не можем идентифицировать каких-либо конкретных животных, которым мы принесли благо, перейдя на вегетарианство, мы можем быть уверены, что наша диета оказала сильное влияние на судьбу множества животных, которых выращивали на фабриках-фермах и забивали для пищевого использования. И эта уверенность вполне обоснована, потому что множество животных выращивались и забивалось в зависимости от прибыльности этого процесса, а, следовательно, от спроса покупа-*

телей на этот продукт. Уменьшение спроса снижает цену и снижает прибыль. Снижение спроса означает меньшее число животных, которые будут выращиваться и будут забиты.»¹

Тут есть лукавство, возможно, неосознанное. Вегетарианец или веган никак не может «идентифицировать» конкретное животное, которому его пищевое воздержание принесло благо, не потому, что он не обладает необходимой информацией, что, по-видимому, имеет в виду Питер Сингер, а потому, что такого животного просто нет. Все животные, предназначенные к забою, забиваются, никто не минует своей судьбы. Если рынок сжимается, предприятие может сократить производство в следующем цикле. Животных будет выращиваться меньше. Но, всё равно, все выращенные животные будут снова забиты. При сохранении тенденции поголовье стада с каждым производственным циклом будет неуклонно падать, но никогда не найдётся животного, на которого вегетарианец мог бы указать пальцем и сказать: вот, я перестал есть мясо, и благодаря этому данное существо может жить. Разве что вегетарианец выкупит его (многие известные вегетарианцы именно так и поступали). Однако, выкуп — это совсем другая модель избавления от животного от смерти. Она не связана с пищевым поведением непосредственным образом. Человек, пожалевший животное и выкупивший его, может быть вегетарианцем, но не обязательно: может быть, ему данное животное почему-либо особенно приглянулось.

¹ Singer P. *Animal Liberation*, Chapter 4. Цитируется по: Сингер Питер *Освобождение животных*, сокращенный перевод А. И. Петровской. См.: <http://www.ecoethics.ru/old/b40/>

Но что делать с выкупленным животным дальше? Отпустить его на свободу? Есть на Руси такой обычай: ради светлого праздника выкупить птицу, томящуюся в неволе, и выпустить её. Обычно птиц выпускают на Благовещение. До революции в некоторых районах было принято выпускать птиц на Пасху. Освобождённая птица будет петь благодарственную песнь, свидетельствуя перед Богом о сердечной доброте выпустившего её человека.¹ Красивый обычай. И если бы выпускались реальные невольники, он мог бы принести несомненную пользу. Птицы порою действительно содержатся в клетках — ради их красоты и пения. Раньше это могли быть местные лесные птички, теперь же, в основном, попугаи. Попугая не выпустишь: он улетит, может быть, и охотно, но не переживёт зимы. Да и когда в клетках содержались местные птички, много ли было таких содержанцев? А ведь ещё не каждый хозяин согласится свою птицу продать. Желających же подарить птице свободу всегда было много. Вот и ловили предприимчивые люди под праздник малых птиц, чтобы тех потом выкупили и отпустили. Это пример того, что если выкуп животных становится регулярным, под него возникает свой рынок. Выкупая животного, можно помочь лишь конкретной особи, общего состояния животных такая модель не улучшит.

Чем меньше времени животное провело с человеком,

¹ Известно стихотворное свидетельство А. С. Пушкина: « *В чужбине свято наблюдаю / Родной обычай старины: / На волю птичку выпускаю / При светлом празднике весны. / Я стал доступен утешенью; / За что на Бога мне роптать, / Когда хоть одному творенью / Я мог свободу даровать!* » («Птичка», 1823). Дети, выпуская выкупленных птиц, пели им песни-веснянки: «*Вы по воле полетайте, вы на вольной поживите, к нам весну скорей ведите! За нас Божью Мать молитесь!*» (Коринфский А. А. *Народная Русь* М., 1901. Стр. 196)

тем проще оно возвращается к дикой жизни. Антуан де Сент-Экзюпери устами Лиса из «Маленького принца» (то есть фактически от имени животных) сказал: *«ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»*. Понятно, что это высказывание прилагается, как правило, к людям, но разве от этого оно становится несправедливым применительно к животным? Если животное было приручено и провело с человеком достаточно много времени, его нельзя просто вывезти на природу и отпустить. Такое животное сначала надо подготовить к самостоятельному существованию (к жизни без человека). Оно должно, например, вспомнить, как добывать себе еду. Но это прирученное животное, а как быть с домашним, которому и вспоминать-то нечего? Как уже было сказано, при благоприятных условиях домашние животные могут прижиться и в природной среде. Но найти такие условия (или создать их специально) должен человек. Что возможно только для очень ограниченного числа животных. Любое массовое решение будет приводить к гибели животных, которых вроде бы хотели спасти.

На самом деле веганы вовсе не думают о подобных решениях. Желание избавить животных от страданий не приводит к поиску путей спасения тех существ, что сегодня наполняют фермы и животноводческие комплексы. Они как бы уже списаны со счетов: их не спасти. И это правда. Если вовремя не подоить корову, она будет страдать от болей в вымени, распираемом изнутри молоком. Освобождение от эксплуатации человеком, таким образом, превращается в пытку. Человек, получая от коровы молоко, тем самым избавляет её от страданий. А взять, к примеру, породы кур с повышенной яйценоскостью: курица несёт столько яиц, что организм не успевает восполнять расход необходимых ему веществ, и курица буквально лысеет, теряя перья. Такие курицы долго не живут. И как ей помочь? Она не может остановиться и не нестись: такова

особенность породы, специально выведенной человеком. Если представить себе мир, где возобладало веганское мировоззрение, то в нём подобным породам не будет места.

Пора подвести некоторые итоги.

Итак, веганская этика игнорирует судьбу живущих сегодня домашних животных: они будут убиты (или замучены), и с этим надо смириться. Более того, чем сильнее будет веганство, тем короче окажется их жизнь: при падении рынка поголовье начнут сокращать, так как содержание животных перестанет себя окупать. Ещё одно: распространение веганства приведёт к исчезновению многих пород; разнообразие мира домашних животных будет утрачено.

Стоит спросить, а что имеют в виду веганы, когда говорят о необходимости избавить животных от страданий? Кто тот субъект, который должен перестать страдать, если это не конкретная особь и даже не условный представитель породы? Представитель вида? Но сегодня домашние животные представлены существующими породами, имеющими определённые признаки. Предположим, что им удастся освоиться в дикой природе (хотя, например, как это сделает не летающая, но аппетитная с точки зрения хищников курица — большой вопрос). Одичав, животные потеряют одни признаки и приобретут другие. Они уже не будут домашними животными. Это будет качественно другое существо. Или, если в природе существует их дикий родственник, домашние породы просто исчезнут, растворившись в существующей дикой популяции. Численность такой популяции зависит от условий экосистемы. На определённой местности может выжить лишь ограниченное количество, скажем, свиней или гусей. Их и сейчас ровно столько, сколько может там быть. Дедоместикация

не увеличит их количество, поскольку ёмкость экосистемы останется прежней.¹ Страдает ли дикий гусь или нет, мы не знаем, но его положение никак не изменится с исчезновением домашних гусей. У домашних животных не будет наследников, чьё состояние можно было бы сравнить с тем, как страдали их предки. Сейчас страдают одни животные, а будут жить другие. Страдание исчезнет вместе с носителями страдания.

Веганская философия обычно начинается с утверждения, что животные страдают не в меньшей степени, чем человек. Они также боятся смерти и испытывают боль. И поэтому к ним надо относиться столь же гуманно, как мы относимся к людям. Хорошо, попробуем спроецировать на людей полученную картину. Допустим, есть некое общество, в котором люди живут, страдая, а потом их ждёт неизбежная смерть. Это ужасно, и из гуманных соображений принимается решение избавить людей от страданий. Делается это по описанной схеме: большинство людей ускоренно лишают жизни (так они меньше мучаются), а кого-то перемещают в иные условия — на природу. Теперь они и их дети избавлены от мучений, которые несла им цивилизация, и они могут счастливо жить, например, в условиях тропиков, добывая себе всё необходимое собирательством, которое не будет наносить ущерба экосистеме. Подобный социальный эксперимент по выведению нового человека явно плохо пахнет. У него устойчивый привкус фашизма, и его реализация возможна лишь в условиях жёсткого тоталитаризма, где жизнь человека на самом деле не имеет

¹ Раздомашнивание не приведёт к увеличению областей обитания диких животных: лишившись продуктов животноводства, человечество будет вынуждено восполнить недостаток пропитания за счёт земледелия. Окультуренные земли поменяют назначение, но останутся в хозяйственном обороте.

никакой ценности, несмотря на оправдывающую всё происходящее вроде бы гуманистическую мотивацию. Наверное, никто бы не захотел стать объектом подобного эксперимента. То, что нечто подобное предполагается проделывать с животными, показывает, что интерпретация веганами собственных действий как желания обеспечить столь же чуткое и бережное отношение к животным, какое у нас есть к людям, не более чем миф. Отношение к людям персонализировано. Мы должны ценить каждого человека. Обращение с человеком как с вещью, а с обществом как с безликой и безгласной массой заслуживает осуждения. Но именно так предлагается обойтись с животными. Это — не расширение человечности с включением в её сферу других живых существ; скорее уж, тут можно увидеть намёк на противоположный процесс.

Отношение к животным как к биомассе, подлежащей формированию в соответствии с неким представлением о том, как всё должно быть, выступает предвестником подобного отношения и к людям. Сегодня то и дело можно услышать мнение, что людей на Земле слишком много. Самопроизвольное развитие человеческого общества истощило окружающую среду и поставило планету на грань экологической катастрофы. Выход из ситуации лежит в переходе к системному управлению. Человечество необходимо реформировать: людей должно стать меньше, а тем, кто останется, следует привить иные поведенческие стереотипы. Веганство, кстати, относится как раз к таким нововведениям, проходящим этап социального тестирования.

Создание централизованной системы контроля над человечеством сопровождается информационной кампанией, построенной преимущественно на гуманистических интонациях. Один из наиболее часто повторяющихся моти-

вов — избавление от страданий. Никто не должен страдать — ни человек, ни животное. И если жизнь изобилует страданиями, от них можно избавиться вместе с жизнью. Не случайно люди, как говорится, с прогрессивным мышлением, то есть имеющие устройство ума, нужное для построения запрограммированного будущего, оказываются сторонниками сразу и веганства, и, например, эвтаназии.¹ Самый верный способ спасти животное от забоя — этого преждевременного и страшного окончания жизни — сделать так, что его жизнь вообще не начнётся. Это перекликается с требованием права уйти из жизни, чтобы больше не мучиться. Именно поэтому мы видим всплеск интереса к индийской философии: она давно решает проблему избавления от страданий, и именно в этом же ключе: чем меньше жизни, тем меньше страданий. Вегетарианство оказывается мостиком, ведущим от аскезы прошлого в закладываемый сегодня новый мир, а веганство является уже частью этого нового мира.

¹ Таковы взгляды Питера Сингера.

6. А ЧТО В СЕРЁДКЕ?

В первом приближении веганство кажется заботой о животных. Ради блага животных веган отказывается от продуктов, издавна присутствующих на столе человека, не надевает на себя одежду, изготовленную из традиционных материалов (кожа, шерсть, шёлк) и т. д. Но на поверку выходит, что сами животные вегана мало интересуют. Его поведение регулируется не сердцем, а головой. Веганство — это, прежде всего, идея, убеждения. Для того чтобы стать веганом, надо узнать, как устроен технологический процесс в индустриальном животноводстве и сделать определённые выводы, изменив модель своего потребительского поведения. А вот любить животных, чтобы мыслить как веган, совсем необязательно. Да их и сложно любить. Типичный веган, как уже говорилось, — это городской житель, пересекающийся с животными, являющимися предметом его заботы, крайне редко. Фермер может иметь любимую курицу. Человек, зашедший в инкубатор для бройлеров и увидевший одновременно тысячи петушков, вряд ли проникнется к ним каким-либо личностным чувством. Птицы заполняют его зрительное восприятие, шокируя своей многочисленностью, и он будет относиться к ним как к биомассе, принявшей в данном конкретном случае куриные формы. В другой раз биомасса предстанет в виде

свиней, чавкающих в кормушках внутри своих загончиков на свиноферме. И на этом фоне идея избавления животных от ига, наложенного на них человеком, будет мыслиться, скорее, как освобождение биомассы, которую следует выпустить на природу, чтобы она принимала там естественные, природные формы. Эта установка рождается и существует совершенно безотносительно к конкретным животным. Веганство — это Большая Идея, и такие частности, как персональная судьба живого существа, значения не имеют и могут даже мешать. Сентиментальность (так это определяется с точки зрения Большой Идеи) всегда мешает принимать принципиальные решения и совершать радикальные действия.

Вот что пишет Питер Сингер в своём «Освобождении животных»: *«Вскоре после того, как я начал работу над этой книгой, моя жена и я были приглашены на чай к одной даме, которая слышала, что я собираюсь писать о животных. Жили мы тогда в Англии. Хозяйка очень интересовалась животными, рассказывала, что у нее есть знакомая, постоянно пишущая о животных, которая хочет встретиться с нами. Когда мы прибыли, подруга нашей хозяйки уже была на месте и действительно стремилась говорить о животных. „Я люблю животных, — начала она, — у меня есть собака и две кошки и вы не представляете, как им вместе хорошо. Вы не представляете, как им замечательно! И мы имеем даже небольшой госпиталь для любимцев“. Она помолчала, пока накрывали на стол, и взяла большой сендвич с окороком. Затем она спросила, какие же любимые животные есть у нас. Мы сказали, что не имеем никаких любимых животных. Она посмотрела на нас несколько удивлённо и откусила от своего сендвича. Наша хозяйка закончила к этому времени сервировку и встретила нас словами: „Вас конечно интересуют животные, не правда ли, мистер Сингер?“. Мы постарались объяснить, что заинте-*

ресованы в прекращении страданий и несчастий животных, что мы протестуем против их жестокой дискриминации, и что мы считаем недопустимым бесконечно увеличивать страдания других существ, даже если это существо не является представителем нашего вида, и что мы уверены в том, что животные безжалостно и жестоко эксплуатируются человеком и мы бы хотели, чтобы это было изменено. А в других отношениях, сказали мы, у нас нет особенной заинтересованности в животных. Ни один из нас не занимается содержанием собак, кошек или лошадей, подобно тому, как многие люди делают это. Мы не испытываем какой-то „любви“ к животным. Мы просто хотим, чтобы с ними обращались как с независимыми существами, которыми они и являются, а не как с предметами целей человека или как со свиньей, мясо которой сейчас находится на сендвиче нашей хозяйки.»¹

Сингер пишет с уверенностью в более высоком уровне занимаемой им этической позиции по сравнению с тем, на котором находится описанная им тут «любительница» животных. Это взгляд сверху вниз. Бутерброд с окороком предъясняется в качестве вещественного доказательства со стороны обвинения, если не улики. Госпиталь для питомцев оказывается сентиментальной игрушкой эгоистичных тиранов. Собачки и кошечки, или, как он говорит дальше, «болонки-любимицы» в зачёт не идут. Если человек «думает, что для любви к животным достаточно погладить кошечку или покормить птичек в парке» (это тоже цитата из Сингера), он ещё не поднялся на должную высоту.

¹ Singer P. *Animal Liberation*, Preface. Цитируется по: Сингер Питер *Освобождение животных*, сокращенный перевод А. И. Петровской. См.: <http://www.ecoethics.ru/old/b40/>

Пренебрежение к домашним питомцам, проступающее у Сингера то здесь, то там, — вовсе не признак особой чёрствости души, как можно было бы подумать, а следствие последовательности исповедуемого им подхода. Веганское мировоззрение неизбежно приводит конфликту с обычаем человека заводить себе четвероногих (или пернатых) друзей. Это не часто проговаривается вслух: множество людей являются убеждёнными собачниками или кошатниками, и если бы пропаганда веганства начиналась с заявления о неприемлемости содержания собак и кошек, то она вряд ли бы преуспела. А так веганство оказывается просто альтернативной формой проявления заботы о братьях наших меньших. Владельцы домашних питомцев готовы увидеть здесь то же тёплое чувство, которые они испытывают по отношению к своим любимцам. Те женщины, что пригласили к себе чету Сингеров, как раз попались в ловушку подобной логики. Но сторонники Большой Идеи не склонны разводить сантименты.

Проще всего с птицами. Они сидят в клетках. Клетки — очевидный признак заключения. Радость, которую получает человек от того, что кто-то томится у него в неволе, порочна. Птица должна быть свободной. А вот, например, с собаками всё гораздо сложнее. Хотя бы потому, что собака любит своего хозяина. Культура хранит множество историй собачьей верности. Собака, разлучённая с хозяином, будет страдать. Можно, конечно, попробовать обвинить в этом человека: он подчинил себе живое существо не только физически, но обрёл его ещё и на эмоциональное рабство. Но факт остаётся фактом: собака потеряет от разрыва с человеком, и потеряет немало. Возможно, она утратит самую суть своего существа и перестанет быть тем, что мы понимаем под словом «собака». В случае с собакой дедоместикация начинает уже совсем откровенно приобретать черты умышленного убийства (убийства вида).

Между тем, разведение собак принципиально ничем не отличается от разведения, скажем, кур. Многообразие куриных пород легко поставить в параллель многообразию пород собак. И как есть породы, превратившие курицу в функцию (она должна нести максимально много яиц, пусть при этом её организм ускоренно изнашивается), так есть и собаки, превращённые в функции. Собака бойцовой породы (бультерьер или питбуль), атаковавшая свою жертву, часто не может самостоятельно разжать челюсти. Хозяину приходится приходить к ней на помощь. Такие собаки имеют смертельную хватку. Но, став грозным оружием, они утратили полноценность: их существование определяется тем, как человек их использует. Выстреливший пистолет надо перезарядить, атаковавшей собаке надо помочь освободиться от жертвы. Если человек действует правильно, всё в порядке; в противном случае собака обречена. Из пород-функций можно вспомнить ещё комнатных собачек, которые дрожат на холоде без костюмчика, то и дело пугаются и могут сломать себе лапу, неудачно спрыгнув со стула. Выведя такую породу, человек создал себе живую игрушку. Что это, как не пример эксплуатации существ, попавших во власть человека?

Вегану не подобает держать собаку или кошку. Впрочем, главная причина лежит всё-таки в иной плоскости. Собак и кошек надо кормить. И если человек может ограничить себя растительной пищей, то с домашними питомцами так не получится. Веганы уже давно ведут дискуссию, какова природа человека: считать ли его хищником, всеядным или исключительно плодоядным. Несмотря на то, что человек охотится так долго, насколько мы можем заглянуть вглубь истории, веганы считают мясную диету случайно закрепившейся пищевой моделью, обращая внимание на отсутствие у человека явных признаков хищника.

В частности, у нас нет когтей, наши зубы не столь длинны и остры, а длина кишечника по отношению к туловищу гораздо больше, чем у хищников¹. Но с тем, что собаки и кошки — хищники, спорить не приходится. У них и когти на месте, и зубы правильные. А значит, их следует кормить мясом (или продуктами мясопереработки в виде специального корма). Без пищи животного происхождения они захиреют и умрут.

Рядом с миллиардами людей живут сотни миллионов собак и кошек. Для того чтобы их содержать, необходимо продолжать выращивать животных на забой. Даже если все люди станут веганами, обречение животных на смерть не прекратится, пока человек не прогонит собаку и кошку прочь. Именно поэтому веганство ведёт к отказу от четвероногих друзей.

Человек не должен владеть животными. Власть здесь приравнивается к эксплуатации. Кошка, вроде бы, гуляет сама по себе. Она держится порой настолько подчёркнуто независимо, что кажется, что это она пользуется человеком, который её кормит, а если кошка и ловит мышей, то не потому, что человек её заставил, а руководствуясь древним инстинктом. Но вот ребёнок хватается за кошку в охапку и начинает тискать, а та терпит и не выпускает когтей, чтобы его не поранить. Или на нитку привязывается

¹ С другой стороны, даже травоядному животному только растительных белков недостаточно. Так, корова в день съедает около 900 граммов бактериального белка, который образуется в специальном органе — рубце. Рубца у человека нет. Мыши и кролики тоже не имеют рубца, но у них развитые «слепые» ответвления кишечника, где протекают аналогичные процессы. Животные поедают свои экскременты, богатые бактериальным белком, и их организм получает необходимое. Человек такого источника белка не имеет. Он получает необходимый ему животный белок иначе.

бумажка, и котёнок скачет за ней вприпрыжку, радуя человека, устроившего эту забаву. Так или иначе, человек задаёт условия, которым животным приходится следовать. Он — господин их судьбы, и именно против этого выступают веганы.

Не животные оказываются семантическим центром веганства, а человек. Веганство — это разговор о человеке, животные — только повод для разговора. Именно поэтому судьба животных, в защиту которых выступают веганы, в сущности, их мало интересует. Вегану достаточно того, что он сам (лично) не участвует в определённых процессах (не причастен к убийству и эксплуатации животных), а что там будет с теми, кого он этим благодетельствовал, — не его дело. Принцип освобождения как раз и сводится к тому, что ранее сплетённые судьбы разделяются, и у каждого оказывается свой собственный путь. У человека — свой, у других живых существ — свой. С точки зрения либеральной модели тут всё честно.

7. СБЕЖАВШИЙ САДОВНИК

Если веганство по своей сути — это высказывание о человеке, то необходимо разобраться, какое содержание несёт в себе это высказывание. Что нового хотят нам сказать о человеке?

В первую очередь нам сообщается, что люди — это тоже животные. Питер Сингер пишет: *«Мы обычно пользуемся словом „животное“ в значении „животные иные, чем человеческое существо“. Такое употребление тут же отделяет человека от остальных животных, подразумевая, что мы не считаем себя животными, однако каждый, кто получил элементарные уроки биологии, знает ошибочность этого.»*¹ Человеческое тело устроено по одним и тем же законам с телами других живых существ. Это даёт возможность считать человека просто одним из биологических видов. Благодаря такому подходу достигается некая точка равнозначности: животные оказываются на одном уровне с чело-

¹ Singer P. *Animal Liberation*, Preface. Цитируется по: Сингер Питер *Освобождение животных*, сокращенный перевод А. И. Петровской. См.: <http://www.ecoethics.ru/old/b40/>

веком, и то, что справедливо по отношению к человеку, легко может быть перенесено и на другие живые существа. Например, признание того, что человек обладает определёнными правами независимо от своего положения, пола, состояния и т.д., просто потому, что является человеком, влечёт за собой утверждение, что любое животное также имеет некоторые права.

Мы привыкли к тому, что иметь права лучше, чем не иметь. Поэтому идея, что животные имеют свои права, выглядит привлекательно. Однако не стоит забывать, что основанием концепции прав животных является низведение человека до статуса животного. Впрочем, забыть об этом довольно сложно, поскольку вдохновители борьбы за права животных будут возвращаться к этому снова и снова. В «Освобождении животных» (1977) Питер Сингер жалуется на терминологические сложности: обыденное словоупотребление упорно выделяет человека, не давая слить его с прочим животным миром в одном понятии. Американский философ Том Риган (Tom Regan) в своей известной книге «В защиту прав животных» (*The Case for Animal Rights*, 1983) изящно решает эту проблему. Он то и дело говорит о «негуманоидных животных» (*nonhuman animals*), ставя, таким образом, человека в позицию гуманоидного животного. Причисление человека к животным является общим моментом всего движения за права животных. Это настолько часто звучащий рефрен, что поневоле задумаешься, что для чего тут служит доказательством: используется ли «животность» человека как аргумент для обоснования прав животных, или сам разговор о правах затеян для того, чтобы нашлась причина приравнять человека к животному.

Итак, у негуманоидных животных и у человека одинаковые базовые права. Равенство в правах — это весьма

прогрессивная идея, и распространение её на животных воспринимается ценителями прогресса как значительный шаг вперёд. Но что это значит для самого человека? Прежде всего, то, что у него нет каких-либо дополнительных прав в отношении животных. Нет никакой фундаментальной причины, оправдывающей власть человека над другими биологическими видами. Власть, которой исторически обладает, не имеет под собой морального основания, а потому человека следует считать узурпатором, а использование им животных — безжалостной эксплуатацией. Говоря более обыденным языком, человечеству попросту повезло: самосознание и интеллект оказались более сильным оружием, чем рога и копыта, клыки и когти, и человек выиграл межвидовую конкуренцию, став доминирующим видом на нашей планете. Игра случая, не более того. На долю человека выпал успех, тогда как его существование принципиально ничем не отличается от существования других видов, и никакой особой цели у человека нет. Нет шкалы, по которой человек получил бы более высокую ценность относительно прочих животных. А если такая шкала и есть, то она придумана самими людьми.

Мы видим, что философия прав животных неизбежно вторгается в сферу, традиционно занимаемую религией. Высказываются суждения, отрицающие особое место человека в мироздании. Весь этот комплекс представлений, куда, несомненно, входит и веганство, можно рассматривать как антирелигиозный или, по крайней мере, как антибиблейский проект.

Критика исторической снисходительности к эксплуатации животных, как правило, включает в себя разбор и библейского текста. В Библии прямо сказано о господстве человека над животными: *«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину*

и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1, 27–28). Питер Сингер комментирует это следующим образом: «Библия говорит нам, что Бог создал человека по своему собственному образу. Мы можем толковать, что это человек создал Бога по своему собственному образу. В любом случае это ставит человека в особое положение во вселенной как создание, единственное из всего живущего, имеющее богоподобный облик. Кроме того, Бог в заключение подробно и ясно сказал, что дает человеку господство над каждым на земле живущим существом. Истинно также и то, что в райском саду это господство не было связано с убийством других животных для употребления в пищу. Стих 29 первой главы „Книги Бытия“ сообщает, что поначалу человек жил среди трав и плодовых деревьев, и Рай часто изображается картиной полнейшего мира, в котором нет места какого-либо рода убийству. Человек властвовал, но в этом Раю раннего периода его деспотизм имел великодушный, благосклонный характер. После грехопадения человека, за которое Библия возлагает ответственность на женщину и на животное, можно понять, что убийство животных становится допустимым».¹

Сингер причисляет змия к животным, пользуясь буквальным прочтением текста и отвергая богословскую традицию, считающую, что под видом змия действовал дьявол.

¹ Singer P. *Animal Liberation*, Chapter 5. Цитируется по: Сингер Питер *Освобождение животных*, сокращенный перевод А. И. Петровской. См.: <http://www.ecoethics.ru/old/b40/>

Так он получает дополнительный семантический выигрыш: выстраивается определённая параллель. Жена согрешила прежде мужа, за это она отдана ему в подчинение. Участие животного (змия), по мысли Сингера, создаёт объяснение, почему человек считает себя вправе господствовать над животными. Очевидно, что Сингер читает Библию как книгу, которая не задаёт правила человеческого бытия, а освящает уже сложившуюся практику.

Веганство одного духа с атеизмом; его ещё можно сочетать с религиями, восходящими к индийской культуре, видящей в человеке лишь одну из форм в непрерывной череде воплощений, но с религиями, опирающимися на авторитет Библии, оно обречено на конфликт. И опять возникает вопрос о причинах и следствиях: является ли антибиблейский акцент продуктом веганского мировоззрения, или само веганство «выстрелило» в результате общего отката от христианства — как один из снарядов, направленных в сердце прежней духовной традиции?

Библия привычно растаскивается на цитаты, но отдельные фрагменты не создают цельной картины. Для этого нужен полный текст, поскольку разные его части ведут переключку, уточняя и дополняя друг друга. Каково же было место человека в том первоначальном мире, о котором говорится в самом начале Библии? Этот вопрос не о тексте, как кто бы ни относился к Книге книг. Он — о предназначении человека. Верующий человек может увидеть здесь замысел Божий о человеке, неверующий — проекцию идеального образа, возникшего в человеческой голове. Человек был помещён в рай не просто для того, чтобы наслаждаться и господствовать над животными. У него были определённые обязанности: *«И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его»* (Быт 2, 15). Удел челове-

ский — быть садовником в райском саду. Человек должен был заботиться о мире, обустроенном Богом. И власть над животными ему вручена для исполнения этих обязанностей: *«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему»* (Быт 2, 18–20). Далее следует сюжет о сотворении Евы.

Животные не смогли разделить с человеком ответственность за надлежащее управление вверенным ему хозяйством. Но их участие в качестве помощников человека предполагалось с самого начала. Наречение имён — это не только знак власти человека над животными, но и распределение доли в общем деле. Считается, что Адам видел сущность каждого животного, и учитывал это, подбирая ему имя. Однако в библейской традиции имя — не просто знак или метка, позволяющая не запутаться и всегда понимать, о чём идёт речь. Имя — это способ реализации бытия. Пока имя не наречено, бытие окончательно ещё не состоялось. Адам, давая животным имя, связывал их настоящее с будущим, их сущность закреплялась, обретая неизменность.¹

В наречении имён животный мир получает взаимосвязанность и становится системой, в центре которой находится человек. Это центральное место — вовсе не трон вла-

¹ См.: прот. Андрей (Кудрявцев) *Наречение имён* Портал Богослов.RU <http://www.bogoslov.ru/text/4836881.html>

дыки. В библейской картине мира человек — не деспот, он не самовластен. Будучи управителем сада, он отвечает за общее благоустройство. Его право распоряжаться животными обусловлено обязанностями, которыми возложил на него Бог. И которые он не смог понести. Грехопадение разрушило гармонию, управитель был отставлен от должности, и его власть над животными потеряла былую естественность. В мире, где господствует смерть, власть становится правом распоряжаться чужою жизнью. Человеку пришлось заново выстраивать свои отношения с животными и приобретать власть над ними чисто земными путями — через одомашнивание. В условиях повреждённого грехом мира человек создаёт свой, земной и весьма несовершенный уклад, далёкий от райской идиллии.

Веганы видят это несовершенство и не хотят с ним мириться. Но вместо работы над искоренением несовершенства они предлагают бегство. Садовник, у которого не получается восстановить прежнюю красоту сада, прячет лопату под куст и объявляет себя просто одним из насельников, не имеющих более каких-либо особенных прав. На самом деле он хочет сказать, что отказывается от прежних обязанностей. Человек, числящий себя одним из биологических видов, волею случая оказавшимся самым успешным, упорно не желает видеть своё особое положение в мире. Он словно тяготится тем, что имеет самосознание, нравственность и разум, отличающие его от других живых существ. Бога, который обращался к этим его качествам, он заменил на природу, которая заведомо безразлична к любым сторонам человеческой сущности. А разговор о правах животных стал способом умаления человека. Человек устал от своего человечества. В создании цивилизации и вообще культурной среды люди с веганско-экологическим мышлением видят лишь зло. Они хотят так или иначе разорвать взаимозависимость челове-

ка и животных. Проект называется «освобождение животных», но те, кто в него вовлечён, заняты освобождением человека.

8. СУЩЕСТВОВАТЬ, А НЕ СЛУЖИТЬ

Казалось бы, в арсенале защитников прав животных должны находиться аргументы, заряд убедительности которых действительно впечатляет. Например, можно сказать, что человек обладает разумом, а животные нет. Только человек может сознательно управлять своими действиями, а значит, он *должен* ими управлять. Разумность — это требование и критерий. Человек обязан просчитывать последствия и принимать взвешенные решения, а иначе зачем ему разум? Это касается и природной среды. Существование природы зависит от того, насколько разумным окажется человек. Как старший в экосистеме человек несёт ответственность за её жизнеспособность, и не только за это, но и за качество бытия тех, кто живёт рядом с нами, но повлиять ни на что не может. Человек, этот единственный носитель разума, должен сохранить приемлемые условия для всех живущих или создать (воссоздать) их — в соответствии с потребностями, заложенными в живые существа природой (или Богом).

Другой аргумент. Поведение животных определено инстинктами. Человек — единственный вид на планете! — мотивирован не инстинктом, а тем, что называется зовом

сердца или благорасположением души. Он может презреть свои интересы и действовать в интересах другого. Он может войти в ситуацию, которая с ним никак не связана, озаботиться судьбой, которая никак не пересекается с его собственной. Человек может быть добр. Это означает, что он обязан быть добрым, иначе доброта просто не придёт в мир. Доброта человека может и должна распространяться и на животных. Животных следует жалеть, спасать, если они попали в беду; человек не должен быть жестоким в обращении с ними.

Наконец, человек руководствуется моральными принципами. Мораль присуща лишь человеческому сообществу. Будучи единственным моральным существом на планете, человек может расширить сферу применения морали, включив в число моральных норм правила обращения с животными.

Но эти аргументы обычно не озвучиваются. Течение, представители которого обычно называют себя защитниками интересов животных, куда, несомненно, относятся и веганы, использует теоретическую базу, не допускающую подобного хода мыслей. Нельзя опираться на отличия человека от животного, ведь всё вертится вокруг того, что животные и человек равнозначны. Человек не имеет права старшего. Он не потому должен учитывать интересы животных, что может это сделать благодаря своей разумности, а потому, что животные ничем не хуже его. Пусть у них нет разума; у человека, например, нет хвоста. У каждого существа — свои свойства: обладание хвостом и обладание разумом находятся здесь в одном ряду. Подлинной ценностью обладает лишь самость, персональная представленность в бытии. Качества этой самости (индивидуальные характеристики) ничего к этой ценности добавить не могут, как не могут ничего от неё отнять. Нас призывают уважать

это индивидуальное существование повсюду, в том числе и за пределами человечества, перенося, таким образом, чисто человеческую философию либерального индивидуализма на мир животных.

Самодостаточность может быть весьма горделивой. И эта сугубо человеческая черта тоже как бы присваивается животным, неспособным прояснить своё отношение к вопросу прав и потому представленным в этих теоретических изысканиях в нужном виде. Нужном — для тех, кто сам себя определил на роль защитников их интересов. Из этих уст мы много слышим о правах и интересах животных, но никогда — о том, что животные нуждаются в нашем снисхождении, милосердии и заботе. Все эти понятия предполагают, что существует взаимосвязанность двух: один заботится, другой принимает эту заботу. Тот, кто заботится, является инициативной стороной: от него всё зависит. При этом он действует добровольно, как говорится, по зову души. Никого нельзя со стороны обязать быть милосердным или заботливым, иначе это уже не будет ни заботой, ни милосердием. Получается, что тот, о ком заботятся, находится в зависимости от благорасположения другого. Это — личностные отношения, живой контакт, психология, а не механика. Но гордый человек не хочет быть зависимым, ему не нужен живой контакт, он хочет иметь права, соблюдение которых будет гарантировано безличностным механизмом юриспруденции. И считает, что такой подход будет благом и для животных. Как сказал Том Риган: *«Уважительное обращение с животными не является проявлением доброты, это — проявление справедливости»*.¹ Иными словами, животным от человека нужна справедливость,

¹Regan T. *The Case for Animal Rights* University of California Press, 1983 P. 280

а вовсе не доброта. Этика должна уступить место соблюдению прав.

В этой перспективе выстраивается довольно своеобразная моральная система. Роль субъекта морали смещается от морального агента, то есть того, кто действует в соответствии с нормами морали (или не действует, если он поступает аморально), к моральному реципиенту, то есть тому, в отношении кого совершается действие. Если раньше главным было то, что происходит внутри морального агента (а это всегда человек; мораль была методом воспитания человека, согласования устремлений его души с тем, что принято в обществе), то эта новая система предлагает считать главным то, насколько обращение с моральными реципиентами соответствует заявленным нормам. Внутреннее неважно. Каждый предоставлен сам себе. Общественная значимость возникает лишь там, где пересекаются интересы. Такое понимание морали целиком перемещает её из области нравственности в область права.

Моральными реципиентами могут быть не только люди. Образ совершенного человека включает в себя соблюдение определённых норм поведения по отношению ко всему, что его окружает, то есть не только к социальной, но и природной среде. Всё, что может быть выделено в окружающей нас среде как некая индивидуальность, следует считать реципиентом морали. Том Риган легко переносит это качество и на неодушевлённые природные объекты (это его собственный термин), например деревья. Но каковы могут быть наши моральные обязательства перед деревьями? Вот его рассуждение: *«Защитники природы могут приветствовать практические примеры успешного применения природоохранной этики, основанной на правовом подходе, – в частности, рассмотрение отдельных (индивидуальных) неодушевлённых природных объектов (например,*

красного дерева) в качестве обладателей изначальной ценности и базового морального права на уважительное обращение. Если отдельные деревья имеют изначальную ценность, этот вид ценности — не тот же, что у объектов, рассматриваемых просто как объект потребления, так же, как и права человека определяются не этим, и тогда правовая природоохранная этика не позволяет губить природу во имя „человеческого прогресса“, независимо от того, преследует ли он экономические, образовательные, рекреационные и другие человеческие интересы. С правовой точки зрения, если она будет распространена на неодушевлённые природные объекты, наша общая политика в отношении дикой природы будет точно такой же, какой хотят её видеть защитники природы, а именно — оставляющей природу в покое».¹

Человек должен предоставить природу самой себе, максимально исключив всякое воздействие на неё. И не потому, что это воздействие чаще всего оказывается разрушительным, а потому, что любая попытка воздействовать на индивидуума — это зло. Какие бы действия не совершал человек в отношении других живых существ, он заведомо неправ; единственно правильным будет полное невмешательство.²

¹ Regan T. *The Case for Animal Rights* P. 362–363

² По Ригану человек не должен заботиться о том, чтобы животным было хорошо, что, например, может проявляться в увеличении их поголовья. Вот его рассуждение: «Волки, которые едят оленей, не грешат против морали, хотя наносят реальный ущерб. Поэтому, согласно правовому подходу, сверхзадача в управлении природной средой — не обеспечить максимальный устойчивый прирост, а защитить диких животных от возможных нарушителей их прав — а именно, спортивных и промысловых охотников, коммерческих строителей, разрушающих или загрязняющих их естественные местообитания во имя экономических интересов и тому подоб-

Таковы требования либерального индивидуализма в отношении животных. Но это — только часть картины. Главным по-прежнему остаётся то, что касается самого человека. Человек — больше не властелин в мире животных. Животные имеют право на полностью независимое бытие. Но, утверждая это от их имени, человек лишь расширяет применение той системы ценностей, которую он исповедует. Право индивидуального объекта природной среды быть предоставленным самому себе вторично, первично же подобное право человеческого индивидуума. Человек как бы говорит: я считаю справедливым оставить природу в покое, не справедливо ли будет оставить в покое и меня?

Философия либерального индивидуализма отсекает человека с двух сторон: он отказывается от того, чтобы ему служили животные, но и сам не чувствует себя обязанным кому-либо служить. Иерархический принцип отрицается как таковой, любая иерархия объявляется неприемлемой. Равнозначность единиц неизбежно делает структуру одноуровневой.

Если же копнуть ещё чуть глубже, мы выйдем на вопрос о смысле жизни. Утверждая, что каждый индивидуальный объект обладает изначальной ценностью, нам говорят о том, что бытие оправдывается самим фактом существования. Никаких дополнительных смыслов искать не требуется. С каждого живого существа (включая человека, конеч-

ного. Короче говоря, именно поведением человека, а не „поголовьем“ животных надо управлять [...] управляющие дикой природой должны думать, прежде всего, о том, чтобы не мешать животным». Regan T. The Case for Animal Rights P. 357

но) достаточно того, что оно живёт. Нет необходимости меняться, становиться лучше и так далее, — ты ценен тем, что ты есть. Единственное, что портит эту картину, — это приверженность человека к мясной диете. Но если убедить себя, что человек по своему естеству является плодоядным, а мясо ест исключительно в силу исторического заблуждения, то всё встаёт на свои места: человек, не посягая на чужую жизнь, получает право на свою собственную. Всякое живое существо ценно в своём бытии, — и олень, пасущийся на природе, и ты, человек. И как оленю достаточно просто быть, так и человеку не нужно прилагать никаких усилий, чтобы к чему-либо стремиться или чего-либо достигать. Вернее, он может стремиться к чему угодно. Нет абсолютной шкалы, позволяющей оценить, насколько зря или не зря ты живёшь. Сам этот вопрос «зря или не зря я живу?» в этой системе координат является запрещённым.

В этой перспективе веганство выглядит попыткой откупиться от основного вопроса, к которому неизбежно приходит любой человек: «для чего я живу?». Веган как будто заключает сделку: я не буду есть мясо и вообще эксплуатировать животных, мы с ними окажется равнопорядковыми сущностями, и подобно тому, как животные не беспокоятся о смысле жизни, я тоже обрету право не задавать себе этот вопрос. Не случайно веганству присущ привкус религиозной убеждённости. Оно, конечно, не является религией; религия даёт (или пытается дать) ответ, веганство же игнорирует необходимость ответа, но даже так, через отрицание, касаясь этой темы, оно приобретает оттенок вероучительства.

9. ПОТЕРЯННЫЕ СМЫСЛЫ

Жить просто так, не задумываясь, для чего ты живёшь, и легко, и сложно. С одной стороны, ты избавлен от внутреннего конфликта: каким бы ты ни был, ты не обязан оправдываться. С другой стороны, разум взыскует осмысленности, и, оставаясь существом разумным, человек не чувствует полной удовлетворённости, не объяснив себе логику своего присутствия в мире. Человеку мало оставаться тем, кто он есть; он всё время к чему-либо стремится. Состояние, естественное для животных, ему внутренне чуждо: если человека поставить в ситуацию, когда он будет вынужден просто длить своё бытие, повторяя изо дня в день одни и те же обстоятельства жизни, он будет томиться, словно находясь в заключении. Человеческая жизнь должна быть подсвечена какой-то целью, тогда она приобретает смысл, и человек получает удовлетворение — в той мере, в какой продвигается к намеченной цели.

Цели могут быть разными. Человек может хотеть чего-то исключительно для себя. Но удовлетворение, которое даёт достижение подобной цели, обычно имеет серьёзный изъян. Оно растёт по мере приближения к цели, но как только цель оказывается достигнутой, истаивает, — если

не полностью, то в значительной доле. Это происходит потому, что смысл нужен человеку не как итог, а как начало. Смысл — это основание, на котором человек строит своё бытие. Если цель достигнута, а жизнь продолжается, человек вновь ощущает, что его существование лишено смысла. И он снова конструирует себе цели. Идёт непрерывная гонка за смыслом: одна цель сменяет другую, но жизнь так и не становится осмысленной. Накопления качества не происходит: смысл каждый раз обнуляется. И страшно подумать, что будет в конце этой гонки: очередная цель так и не будет достигнута, на это однажды просто не хватит сил. Жизнь оборвётся, и сказать, что было её смыслом, не получится, поскольку актуальный итог будет равен нулю. Именно поэтому сегодня смерть принято игнорировать. Человек живёт так, как будто умирать ему не придётся. Это даёт возможность уйти от проблемы итога жизни, довольствуясь теми смыслами, которые ещё актуальны на текущий момент.

Рядом со смыслом находится ещё одно понятие — назначение. У вещи смысл и назначение совпадают. Всякая вещь к чему-нибудь да предназначена. Это означает, что смысл её существования заключён не в ней самой, а в её способности взаимодействовать с человеком, природой или другими вещами. Иначе она не потребовалась бы человеку, и человек ею бы не обзавёлся. Используя вещи, мы каждый день оперируем множеством смыслов и, казалось бы, давно должны усвоить их нехитрый секрет: если мы хотим найти смысл какого-либо объекта, то искать надо не в нём самом, а снаружи. Однако перенести это правило на нас самих довольно трудно. Человек ведь не вещь. Видеть в человеке лишь инструмент для решения прикладной задачи — предосудительно. Весь разговор о правах животных начинается с утверждения, что человеческая индивидуальность самоценна, и это понимание ценности

индивида нам предлагается распространить на другие биологические виды. Мы не должны получать пользу от разведения животных именно потому, что нехорошо подходить к индивиду (в первую очередь, имеется в виду к человеку) чисто утилитарно, как к источнику возможной пользы.

Но вот парадокс: запрет считать человека лишь средством для достижения какой-либо цели означает, что человек рассматривается как нечто пассивное. Необходимость сказать, что он не является вещью, возникает потому, что подобное отношение в принципе возможно. В системе либерального индивидуализма человек действительно становится похож на вещь, поскольку главное внимание уделяется тому, как с ним обращаются. Между тем, человек активен. Каждый из нас — это источник различных действий, в число которых входит и целеполагание. Мы ставим цели и стремимся к ним. Для того, чтобы добиться желаемого результата, человек использует средства, которые оказываются у него под рукой, и в первую очередь — самого себя. И чем больше человек вкладывается, чем больше себя использует, тем лучше получается результат.

Если человек увидит в себе средство для достижения внешнего по отношению к нему результата, он обретёт своё предназначение, и его жизнь исполнится смыслом. Сделанное для других не теряет значимости и после своего завершения. По мере того, как жизнь превращается в служение, она становится всё более осмысленной и способной удовлетворить человека. И даже если служение создаёт ситуацию, когда человеку приходится рисковать или жертвовать самой жизнью, кризиса смыслов не возникает. Смерть утверждает и закрепляет итог жизни, а вовсе не обнуляет его. Поэтому для тех, кто выбрал служение, нет причин делать вид, что смерти не существует. Наоборот, к ней надо готовиться, чтобы жизнь завершилась

достойно. Итог жизни не должен быть подпорчен в самый сложный последний её период.

Взаимное служение всех членов общества можно считать формулой социального идеала. Этот идеал рисовали по-разному, но идея общественного служения и взаимопомощи присутствует в тех или иных формах на всём протяжении истории человечества, докуда только может дотянуться историческая память. И только культуры, переживающие период упадка, утрачивали идеал служения. Как следствие, возникал кризис смыслов, который подталкивал культуру к неизбежному концу.

Всякое общество строится на том, что люди, его составляющие, зависят друг от друга. Служение — это усвоение отношений зависимости не как способа осуществления своих прав, а как добровольное принятие обязанностей. Обязанности создают смыслы, права нет. Через обязанности, которые несёт человек, определяется его место в мироздании. Если эти обязанности возникают правильным, естественным образом, можно сказать, что таково предназначение человека.

Наблюдая природу, человек видит, что она вся построена на принципе взаимообусловленности. Различные виды растений и животных так или иначе нуждаются друг в друге; их сложное взаимодействие образует равновесие, обеспечивающие выживание всех видов, которое мы называем экологической системой. У каждого вида — своё место в экосистеме, которое в большинстве случаев легко может быть интерпретировано как функция. Существование организмов одного вида служит к пользе других видов или работает на повышение устойчивости системы в целом. Так хищники ограничивают рост популяции копытных и грызунов, не давая им уничтожить растительную компо-

ненту системы.

Принадлежность к целому (экосистеме) позволяет увидеть если не смысл, то хотя бы целесообразность в существовании любого животного. У него есть предназначение. Предназначение волка — быть грозой зайцев, позволяя выжить лишь тем, кто обладает в полной степени достоинствами заячьего рода. Предназначение зайца — продолжать свой род, составляющий кормовую базу для хищников. Взаимобусловленное существование живых существ в естественных, природных условиях неизбежно включает в себя использование смерти. Смерть особей — это форма взаимодействия или даже сотрудничества видов.

Современный человек не готов принять предназначение, исполнение которого достигается смертью. Человечество упорно строит мир, в котором смерть становится всё менее вероятна. И результаты, которых удалось достичь, особенно за последние сто-двести лет, действительно впечатляют. Мир стал более гуманным, а жизнь человека приобрела ни с чем не сравнимую ценность. Но этот гуманистический прорыв привёл к перестройке этической системы. Раньше человек знал, что жизнь, в сущности, коротка, и от смерти не спрячешься. Поэтому большое значение имеет, какую смертью ты умрёшь. Смерть может быть достойной, если ты умираешь, не поступившись честью и не нарушив своего долга, а может быть позорной. Страшна была именно позорная смерть. А смерть, обретаемая в результате исполнения долга (следования своему предназначению), конечно, тоже страшила, но человек с ней мирился, поскольку позор, неизбежный в случае уклонения от такой смерти, был гораздо страшнее. Принимая своё предназначение и зная, что смерть подступает сразу с двух сторон — как наказание за отступление от должного и как последний шаг на пути исполнения долга, человек

не чувствовал этической проблемы в том, чтобы воспользоваться чужой жизнью, если это не нарушает предназначения того, кто может тебе её отдать. Военачальник имеет право послать подчинённого ему воина на верную смерть, поскольку таков удел воина: забирать чужую жизнь, рискуя своей. Действуя в этой же логике, человек имеет право убить животное, чтобы утолить голод, поскольку предназначение некоторых видов животных — быть пищей.

В современном мире смерть выведена из повседневности. Уклоняться от смерти больше не считается дурным тоном. Наоборот, принято продлевать жизнь всеми возможными способами. На этом фоне убийство животных выглядит этическим преступлением. Человек ищет возможность обеспечить себе технологическое бессмертие. Всерьёз обсуждается концепция трансгуманизма, предусматривающая переход человеческой личности из биологического в информационное состояние, с заменой человеческого тела механическими приспособлениями. Считается, что биологический человек обречён: он выпестовал разум, который в дальнейшем должен принять более совершенные, не связанные с органикой формы. Для тех, кто видит совершенство в автомате, жизнь кажется слишком грязной. Живой организм пахнет, линяет, испражняется. Это пренебрежение жизнью присутствует и в веганстве: среди веганов принято называть мясо трупами животных (слово труп указывает на нечистоту разложения); про молоко могут сказать, что это секрет молочной железы, то есть разновидность выделений из организма, нечто, подобное поту. Такие уподобления призваны придать продуктам животного происхождения отталкивающие черты, сделать их менее привлекательными. Но они также приучают к брезгливому отношению к органике вообще.

Жизнь нестерильна. К тому же она слишком близка

к смерти и в силу этого кажется жестокой. При желании дикую природу можно представить чуть ли ни как эссенцию жестокости. Англиканский теолог и проповедник Уильям Ралф Индж (William Ralph Inge), прозванный современниками «хмурым Настоятелем» (он действительно был настоятелем лондонского Кафедрального собора св. Павла и прославился яркими, но пессимистическими высказываниями), выразился так: *«Вся природа есть спряжение глагола „поедать“ в пассивном и активном залоге»*¹. Если смотреть на животный мир под таким углом, то нетрудно прийти к решению предоставить его своей судьбе, а самому не вступать с ним ни в какие отношения.

Но может ли человек оставить природу в покое, чего так хотят веганы и другие защитники прав животных? Два варианта решения этой задачи мы, вроде бы, обнаружили. Человек должен отказаться от своего участия в жизни. Трансгуманисты зовут человека за пределы биологии, где он не только перестанет быть живым организмом, но и потеряет право именоваться собственно человеком. Если на этом пути и есть какое-то будущее, то оно принадлежит не человеку. Очертания второго пути проступают при обращении к индийской культуре. Это — аскетизм,

¹ Уильям Ральф Индж не был вегетарианцем, поскольку понимал, что смерть из жизни не выкинешь. Он говорил: *«Принятые резолюции в пользу вегетарианства для овец бесполезны, пока волк остаётся другого мнения»*. Однако у него можно найти высказывания, под которыми могли бы подписаться и веганы: *«Мы поработили весь остальной животный мир и обращались со своими дальними родственниками в мехах и перьях так плохо, что, вне всякого сомнения, если бы они смогли сформулировать религию, они изобразили бы дьявола в облике человека»*. «Хмурый Настоятель» был в некотором отношении, как говорится, «прогрессивным» мыслителем: он ратовал за контроль над рождаемостью и покровительствовал евгенике — «науке» о выведении «правильного» человека.

понятый как цель бытия. Человек должен приучить себя брать от природы как можно меньше. В идеале он вообще не должен брать ничего. Достижение идеала приводит к прекращению жизни (благочестивая голодная смерть в джайнизме). На этом пути у человека также нет будущего.

Непринятие жизни, неизбежно связанной с болью и страданием и которая заканчивается смертью, закономерно оборачивается смертью или небытием. Обхитрить мир и устроить себе жизнь, на которую бы не падала тень смерти, не получится.

Вегану тоже надо поддерживать своё существование и что-то есть. Отвергая животноводство, он оказывается сторонником производства агрикультур. Засеянное поле, не важно, что на нём растёт, — кукуруза на силос или пшеница на хлеб, — представляет собой преобразованную среду, в которой нарушены естественные взаимозависимости. Значительное пространство отдано лишь одному виду. Другие виды растений, пытающиеся проникнуть на поле, расцениваются как сорняки. Животные, рассчитывающие кормиться выращенным урожаем, считаются вредителями. Если повсюду развивать растениеводство, оно полностью уничтожит естественную среду. *«Агрикультуры плотоядны: их пища — это экосистемы, и они заглатывают их целиком»*¹, — так формулирует Лирр Кит (Lierre Keith) в своей книге «Вегетарианский миф» (The Vegetarian Myth). Традиционное животноводство, предполагающее выпас животных в естественных условиях, экосистему не уничтожает. Конечно, если животных слишком много, экосистема может не справиться с возросшей нагрузкой и начать разрушаться. Но даже в этом случае она будет деградировать посте-

¹ Keith L. *The Vegetarian Myth* PM Press, 2009 P. 42

пенно, а не исчезнет единомоментно, как произойдёт, если территория будет использоваться для выращивания культурных растений. Тот, кто ест растительную пищу, должен понимать, что она тоже куплена ценой смерти живых существ.

Лири Кит была веганкой почти двадцать лет. Совсем молоденькой девушкой она решила, что не будет участвовать в причинении зла животным. Однако, повзрослев, Кит поняла, что растениеводство в промышленных масштабах тоже не обходится без жертв в животном мире, только страдают уже другие виды. Кит стала выращивать себе пищу сама. Несмотря на своё чрезвычайно трепетное отношение к чужой жизни, она столкнулась с тем, что её действия неизбежно приводят к смерти живых существ. Обработка почвы отнимает множество жизней тех, кто живёт в земле. А если она хочет собрать урожай, ей что-то надо делать со слизнями, которые тоже имеют на него виды. Наконец, она пришла к выводу, что *«жизнь невозможна без смерти: неважно, что ты ешь — кто-то всё равно умрёт, чтобы тебя накормить»*.¹

Вот её признание: *«Я полностью построила свою идентичность на том, что смерть — это этическое табу, моральный ужас, вгоняющий в дрожь моё тело и душу. Но жизненные процессы не предлагают нам опции „быть свободным от смерти“. Как говорит один мой друг, выращивающий пищу для себя сам: „Мы можем либо доминировать, либо просто участвовать, но мы не можем выйти вон“. Мы можем бить в набат и кричать всё, что нам вздумается, но в итоге нам придётся примириться с мироустройством, с доброй зелёной землёй, в любви к которой мы так*

¹ Keith L. *The Vegetarian Myth* P. 3

часто клянёмся, но которую совершенно не понимаем. Да, следуя за мечтой, можно обрести чувство ответственности, но с пониманием приходит большее. В конечном счёте, у нас есть лишь один выбор: смерть, которая разрушает жизнь, или смерть, которая составляет часть жизни».¹

К этому стоит добавить, что веганство или вегетарианство нельзя использовать в качестве ширмы, за которой человек мог бы спрятаться от своего предназначения. Принимая жертву, которую приносят животные, чьё назначение — давать пищу другим², человек может быть морально оправдан, только если сделает свою жизнь наполненной смыслом, то есть служением. Тратя свою жизнь не на себя, а на других, мы тем самым подтверждаем осмысленность того, что кто-то потратил свою жизнь на нас. Не принять жертву — не вариант, ведь животное всё равно погибнет, или его жизнь просто не состоится. Не принимая служения животных, мы не привносим в мир дополнительных смыслов, наоборот, существование становится более бессмысленным. Поэтому отказ человека от создания вокруг себя культурной среды, будь то одомашнивание животных или разведение культурных растений, лишь перечеркнул бы его историю, обкорнав сущность человека, ничего к ней не прибавляя. А что сказать об остальном мире? Существование, не освещаемое светом разума, не имеет ценности, поскольку только разум способен оценивать и ценить. Животные чувствуют, что человек обладает качеством совершенно особого рода. В чрезвычайных обстоятельствах даже дикие звери могут прийти к человеку за помо-

¹ Keith L. *The Vegetarian Myth* P. 77

² Например, среди телят соотношение бычков и тёлочек приблизительно 1:1, тогда как на взрослого быка приходится стадо коров. У диких видов самцы гибнут, выясняя отношения между собой. Раненный самец становится жертвой хищников, а убитый — добычей тех, кто питается падалью.

щью. Животные вообще тянулись бы к человеку, если он был бы к этому готов.

У человека есть место в биосфере, которое ему досталось не случайно, а в силу обладания разумом. Разум — такая же часть мироустройства, как крылья птицы, плавники рыбы, когти хищника. Существующий мир включает в себя разум, и у человека нет оснований исключать его из плана бытия даже чисто гипотетически. Разум нельзя считать отклонением или сбоем программы. Иначе подобные претензии можно предъявить к любому качеству, присутствующему в живой природе, или даже к жизни как таковой. Разум дан только человеку, но эта уникальность не может интерпретироваться как основание для противопоставления человека природе. Исходя из известной нам логики жизни, скорее уж природу следует считать устроенной так, что в ней может существовать только один носитель разума — человек.

Человек определяет судьбу всех живых существ, меняет и создаёт условия существования жизни. От этого не уйти. Он может делать это стихийно и безответственно, а может принять надлежащую ему роль и действовать сознательно. Окультуривание мира, то есть превращение окружающего пространства в культурную среду, неизбежно, но от нас зависит, какой будет эта среда; в частности, будет ли в ней отведено место другим биологическим видам, и каким оно будет. Одомашнивание животных — естественный процесс, но человек несёт ответственность за то, в какой форме оно реализуется. Господство не должно превращаться в тиранию. Жестокость начинается там, где власть используется сверх меры, без должного на то основания. И подобное поведение — этическое преступление.

10. ИГРАТЬ ИЛИ ЖИТЬ

Пищевое поведение действительно имеет большое значение. Обычно человек ест каждый день. В значительном числе случаев трапеза оказывается коллективной. Раньше совместный приём пищи был более обыденным делом: люди вместе ели в кругу семьи, работники, как правило, обедали всем коллективом, а праздничное застолье объединяло и тех, кто вряд ли бы попал за один стол иначе. Сегодня семьи гораздо меньше. Члены одной семьи могут существовать совершенно в разных ритмах, не совпадая по времени еды. Можно без проблем где-нибудь перекусить, купить готовую еду в магазине, найти её в холодильнике, разогреть или быстро приготовить. Но у нас до сих пор остаётся представление о правильном приёме пищи как о совместном деле. Благорасположение к какому-либо человеку может проявиться в том, что мы ему предложим пообедать вместе, в торжественных случаях семья по-прежнему собирается за столом, а приглашение в гости и сегодня подразумевает хотя бы совместное чаепитие.

Трапеза объединяет. Тот, с кем ты ешь, тебе не совсем чужой человек. Но есть вместе означает, что ты кладёшь в свою тарелку то, что имеется на столе. Приготовлено на всех, и ты получаешь свою долю. Богатый стол, на кото-

рый выставляется много блюд, позволяет выбрать, что тебе больше нравится, а от чего-то отказаться. Но общий принцип остаётся тем же: всё готовится для всех. Те, кто постоянно ест вместе, привыкают к одной и той же кухне, к устойчивому перечню основных блюд, определённым соусам и приправам.

Отказ есть какие-то блюда за общим столом по принципиальным основаниям однозначно является манифестацией. Если человек не ест что-то из предложенного, потому что ему это нельзя по состоянию здоровья, или даже потому, что такое не любит, это не разбивает общего характера трапезы, воспринимаясь как случайное отклонение. Но ссылка на иную пищевую концепцию означает, что человек принадлежит к другой культуре. И в этом случае единой трапезы нет, общего культурного пространства не возникает, пусть даже люди сидят рядом за одним столом.

Веганство, таким образом, имеет два плана существования. Там, где веган оказывается среди людей, имеющих иную пищевую культуру, веганство работает как манифестация. Не обязательно что-либо говорить, инаковость демонстрируется просто через еду. В случае возникновения вопросов даются комментарии. Присутствующие видят в действии веганскую этическую систему и могут на её фоне оценить свою этическую позицию или отсутствие таковой. Для вегана очевидно, что сравнение, если оно действительно состоится и будет сделано искренне, должно быть в пользу веганства. Таким образом осуществляется пропаганда и распространение веганского мировоззрения.

Другой план возникает, если рассматривать самих веганов. Имея единую этическую мотивацию и объединённое пищевым поведением, они ощущают свою культурную

общность. На их взгляд, они отличаются от других людей, склонных не особо задумываться, употребляя мясные и молочные продукты, большей моральной чуткостью. Веган в своей системе координат этически более безупречен. Переход к веганству может показаться духовным ростом, подъёмом на качественно новую высоту. Эта высота достигается ценой бытового подвига: отказа от прежних вкусовых пристрастий. Ущемив себя в еде, веганы достигают некой степени совершенства, составляя наиболее передовую или даже лучшую часть человечества. Чем больше людей станут веганами, тем больший этический прогресс будет достигнут.

Однако в основании подобного мироощущения имеется существенный изъян. Действие само по себе не обладает нравственным значением; оно приобретает смысл и этическую оценку лишь в зависимости от цели, которой с его помощью хотят достичь. Ограничение себя в употреблении продуктов, как и любая аскеза, само по себе не есть благо. Важно ради чего это делается. Веганство не способно облегчить участь животных: ни конкретная особь, ни какой-то вид, ни биосфера в целом ничего не приобретут от того, что люди перестанут разводить домашних животных и пользоваться продуктами животного происхождения. Заглянув себе в душу, каждый веган может увидеть, что он принял веганскую аскезу исключительно ради своего морального оправдания. Веганство позволяет чувствовать себя чистым, не запятанным кровью животных. Но это самообман. Просто веганский образ жизни требует смерти в других формах: животные умирают далеко, вне зоны ответственности человека, умирают живые существа тех видов, которых не принято замечать, смерть подменяется небытием и т. д. Такая смерть не бросается в глаза, но тем не менее остаётся смертью. Веганство похоже на одеяло, которое ребёнок натягивает себе на голову, что-

бы не пугаться вещей в темноте. Это – инфантильная реакция. Тому, кто спрятался, можно не реагировать на то, что происходит снаружи. Именно инфантильностью объясняется отсутствие в веганстве чаемой картины мира: сознание, воспроизводящее модель детской психологии, неспособно выстраивать логические цепочки и продумывать всё до конца. Ребёнку важно, что он делает сейчас, а о том, что будет потом, он не задумывается.

К веганству подходит ещё один образ из мира детства. Есть такая разновидность игры в салки – «ножки на весу». Суть её состоит в том, что игрок может на чём-нибудь повиснуть, и пока его ноги не касаются земли, осалить его нельзя. Веганы цепляются за свои запреты, словно поджимают ноги в игре: теперь они вне зоны ответственности человека за мир животных. Висеть тяжело – последовательное веганство требует повышенной бдительности в быту и скрупулёзного анализа всего, что им предлагается в пищу. Но они терпят, затрачивая немалые усилия на организацию своего веганской жизни. Они надеются, что смогут висеть так всегда. Но правилами игры предусмотрено, что если в какой-то момент все участники оказались с ногами на весу, ведущий может осалить любого. Пока веганов немного, их выпадение из традиционного устройства взаимодействия человека и животных не вызывает тектонических потрясений; ответственность за управление связкой жизни и смерти перекладывается на плечи тех, кто не поджал ножки. Но доминирование веганства означало бы переход к повсеместному интенсивному растениеводству, и тут смерть собрала бы свою жатву, стерев с лица земли сразу множество биологических видов, как растительных, так и животных. У этого варианта есть и альтернатива – массовое вымирание человечества. Так что, так или иначе, смерть будет накормлена, и тут уж не спрячешься, – ответственность за это придётся нести веганам.

Веганство предлагает человеку игру в уклонение. Реальная жизнь протекает по другим правилам. И если человек хочет действительно что-то изменить в мире к лучшему, ему необходимо иметь под ногами твёрдую почву: он должен понимать, как устроен мир и каковы реальные последствия тех или иных действий. Исправить что-либо можно лишь не уклоняясь от ответственности, а беря её на себя. Самый верным способом улучшить жизнь животных располагает тот, кто непосредственно занимается ими. Животным не нужны права, им нужна наша любовь. Но тот, кто постоянно имеет дело с животными, знает, как устроена жизнь. Отдавая, ты имеешь право и брать. Более того, не брать — это неправильно: не принимая того, что может тебе дать другой, ты лишаешь его возможности отдавать, в результате чего его жизнь теряет смысл и оправдание. Впрочем, брать, не отдавая, — тоже неправильно: в этом случае ты просто живёшь за счёт другого. Не внося своего вклада в общую копилку жизни, ты лишаешь оправдания собственное существование.

Но как быть тем, чья жизнь протекает в городе и кто не имеет возможности уделить часть её заботе о животных? Мы видим мир разделённым, но на самом деле в нём всё взаимосвязано: животные связаны с людьми, а люди друг с другом. Если ты любишь животных, но не любишь людей, с твоей любовью что-то не так. Быть человеком непросто, и чем более ты понимаешь, каким человеком быть правильно, тем приходится тяжелее, но это бремя — всегда социальное. Качество нашей человечности проверяется тем, как мы относимся к людям. Отношение к животным есть следствие общего устройства нашей души. С животными нам может быть проще, чем с людьми, именно потому, что общение с ними не требует, чтобы мы полностью выкладывались. Сосредотачиваясь целиком

на животных, мы экономим душевные силы, отдаём меньше, чем могли бы дать, а стало быть, сбегает от своего предназначения. Если же мы поворачиваемся к людям и открываем для себя возможность служения, то не только наполняем свою жизнь полновесными смыслами, но и вообще способствуем тому, чтобы в мире стало больше смыслов. Рядом с тем, кто щедро себя отдаёт, трудно оставаться занятым лишь собою. Мы зажигаем друг друга своим огнём. Если мы чем-то действительно увлечены, другие люди начинают смотреть в ту же сторону. Наше служение может помочь кому-то найти своё. Эта цепочка не заканчивается на людях. Доброта, проявленная к человеку, чья жизненная траектория пересекалась с твоей, разойдётся кругами и обязательно коснётся животных.

Идущему этим путём не дано почувствовать себя посвящённым. У тебя не будет порога, переступив который ты попадаешь в клуб этически совершенных. Ты доподлинно так и не узнаешь, каков результат твоих действий, поскольку главное совершается глубоко внутри. Веганство выглядит, конечно, более броско. Но в любой имитации важна как раз внешняя сторона: она должна создать впечатление, вполне способное удовлетворить тех, кто не даст себе труда копнуть глубже. А настоящее не нуждается в манифестации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Что такое веганство	4
2. Идеология веганства	9
3. Освобождение или дедоместикация	14
4. Веганство и история	22
5. Небытие как альтернатива страданию	32
6. А что в серёдке?	42
7. Сбежавший садовник	49
8. Существовать, а не служить	57
9. Потерянные смыслы	64
10. Играть или жить	75

Андрей Карпов

Веганство
обнажение смыслов